

СМЕНА 8

Д Д

М М

М

М

СМЕНА

№ 8

1932

Литературно-художественный,
общественно-политический и
бытовой журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
Младше «Новос. правда»

Адрес: Москва, центр, Малый Чернышевский пер., д. 3/4
Тел. 45-50

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы и очерки

- Д. ЛЕБЕДЕВ — Часовые
Бармбона 4
- В. ГЕРАСИМОВА — Филош
6
- Е. КОНОНЕНКО — Джек
из САСШ 10
- Ел. СЕРГЕЕВА — Жизнь
на баррикадах 12
- Ст. ЗЛОБИН — Товарищ
Ботва 13
- З. ТУНИЦКИЙ и З. ПОЛЯ-
КОВА — Голубая картина 16
- М. КАСВИНОВ — На вахт-
службе у милитаризма 22

Проблемы второй пятилетки

- П. ЛОПАТИН — Социализм
врываεται в тундру . . . 25

Воспоминания ста- рых большевиков

- А. НИСЕЛЕВ — Моя первая
встреча с Владимиром
Ильичем за границей . . 20

Стихи

- Б. КУШЕЛЕВ — На гра-
нице 19
- С. ВАСИЛЬЕВ — Шаги . . 23
- М. ТЕЙФ — Воспоминание 24
- А. БЕЗЫМЕНСКИЙ — Эпи-
граммы 29
- С. ГОЛОВАНОВСКИЙ —
Везувий 29

- Вклады в фонд экономи-
ческой независимости 2

- Комсомол на фронте
стройки 28

- Цех занимательной тех-
ники 80

- Шахматы 31

- Рисунки: Брискина, Сейфер-
тиса, Коновалова, Евгана и др.

Фот. — Союзфото.

МЫ НЕИЗМЕННО С ВАМИ

Взгляните 1 мая на земной шар — он пламенеет и колыхается грозными барговыми знаменами.

Революционные мажоры социалистических домов Магнитострой, Кузнецкстрой, водостроитель в СССР волея партии и рабочего класса, ослепительно и притязливо освещают ленинский путь легонами наших братьев во классу.

Мы еще раз прислушавшись сегодня и братский кандалов, которыми капиталисты во всем мире, во всех странах скрывают руни прелетарата.

Зарубежные наши братья! Мы — ваша ударная бригада, всей нашей заперенной волей, всеми нашими помыслами мы неизменно и непоколебимо с вами. Уচিতесь у нас победителю! Планируйте линии городских баррикад! Держитесь, как черти, за завтрашний день, когда вы начнете эти баррикады воздвигать.

Взгляните на Москву — революционного зепалуво всего мира. Отсюда Центральный комитет ленинской партии, во главе с испытаннейшим из испытанных — т. Сталиным, ежедневно, ежедневно, ежедневно руководит боими на фронтах социалистического строительства. Отсюда оппортунисты, с корнями вырывают мы последние остатки эксплуататорских классов. В горнице ленинград, социалистический организую труда, мы воздвигаем здание социалистического хозяйства, строимую лапа бесполового общества. В наших домах пламенеет наш чаугун. На наших полях — совхозных и колхозных — носится наш хлеб. Грядицы нашей земли несомненно берет революционный зепалуво всего мира.

Взгляните на Москву — революционного зепалуво всего мира. Отсюда Коммунистический интернационал революционных пролетариатов мира, осознавших, что только собственной рукой они могут соорудить капиталистическое рабство, ежедневно, ежедневно, ежедневно руководит боими на революционных баррикадах пяти материков. Солнце не заходит над буржуазными классовых оплово, над которыми реет знамя Маркса, Ленина, Сталина. Никогда не разожгутся державные его древоцы парльцы. Зарубежные товарищи! Держите порох сухими, чтобы взорвать парльцы. Зарубежные товарищи! Держите порох сухими, чтобы взорвать парльцы. Зарубежные товарищи! Держите порох сухими, чтобы взорвать парльцы. Зарубежные товарищи! Держите порох сухими, чтобы взорвать парльцы.

Взгляните на Москву — революционного зепалуво всего мира. Здесь дождь и лютый, вместе с партией и Коминтерном, под их руководством дерется молодежь, дерется КИМ. Всюду и везде, где переживаетею парльцы знамена партии, комсомола — вернейший и надежнейший по-мощицы ленинских комарльцы.

И в наш пролетарский первомайский праздник мы посылаем вам через все кордоны наш братский привет.

Мы неизменно следим за вашей борьбой, товарищи. Мы изучаем ее. Мы делимся с вами нашими победоносным опытом. Мы неизменно и непоколебимо с вами.

И этот номер «Смены» расскажет, как борются за установление диктатуры пролетариата молодежь пролетариата всех капиталистических стран, всех цветов ножи, лучшие комсомолец Германии, Франции, Италии, Америки, Китая...

Рис. В. Брикиная

Пущевы
песчаные глубины
Днепроэстра

ДМ. ЛЕБЕДЕВ

ЧАСОВЫЕ БАРИКАДА

ГАНС ПӨРТНЕР ВСПОМИНАЕТ
1920 ГОД

Теплый и прнрый мабский вечер упал на Рейн, на сырые ленты каналов, на уащи дымного Дуйсбурга. В воздухе, насыщенном горькой угольной пылью, зорким лпгном повис проектор. По узеньким дамбам, толкались вагоны с углем, которые несли во Францию черное золото контрбюции.

Целый вечер делался у берега пароходик белой охоты. Когда по шахтам, во забойку Рура искрой промесса слух о забастовке, генерал Серт послал по Рейну спонс молодежон в тупых касках, им приказаны действовать решительничать, а главное — не сентиментальничать. И когда охло шахт находили трупы рабочих, ясно — здесь были белые.

В Дуйсбург, центр каменного угляного Рура, куда тянутся от всех шахт цепочки красных вагонов, промощь это революционное гнзедо. Белые — и те, которые на деньги буржуазии вербовались из всякого сорода, и те, которые носили государственную форму режисера, — умудрились только об одном: как бы скорей разделаться с коммунизмом, неуверенно шагавшим по стране, заблудившимся в самых глубокие недра шахт. В армии генерала с не выветшаны императорскими эпо-

летами жестокой злобой несправедли революцию и в сладостных мечтах рисовали себе возвращение Вильгельма.

В мелких боих пролетариат потерял много крови. Белые нападая внезапно из-за угла, предательски Храброе войска режисера ни разу не вступали в открытый бой и врандех атаковали безоружных. Это не могло продолжаться бесконечно. Это надоело пролетариату — и тогда Рур востал.

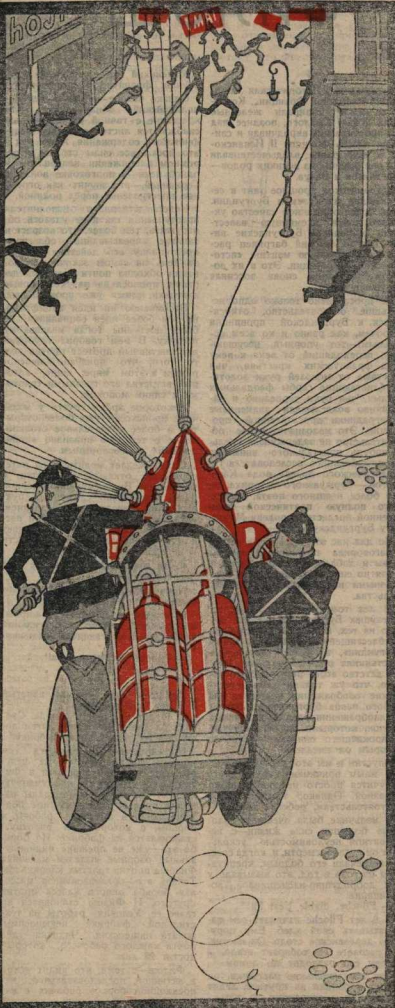
Города зпылали забастовками и бунтами. Из шахт вылезали черные люди, кирками и молотами дробили белые черепя. Революция перешла в наступление. Далеко же огни наступали бандитов во всех углах, белые бежали, трясась за свои жизни, прятались в укрепленных каземтах, из выбоины отступая почти голыми руками, им не давала прохода, они стали мншею негодоявания миллонами. Тогда, отчаявшись победить революцию, белые бежали прочь из стнкийного Рура. И тогда впервые нервы телеграфных проводов задрожали нестройными трельми социал-демократ, поныряв голову, положили в перть пылающими словами:

«В Руре образована Красная армия».

— Я ненавижу революцию, как смертный грех», — говорил Эберт принцу Максу Баденскому, — и бо-

СИЛЫ ВОДЫ

В Соединенных штатах выявились специальные полиция связи автособлюдением, выбирающие струю ледяной воды под давлением в 12 атмосфер

юс ее, как и вы. Один приврак ее приводит меня в Ожид.

В военном страхе перед революцией этот старый социал-демократический патриарх воспитал свою партию. А чтобы растущие кадры не победили этот страх, он поручил воспитание социал-демократической молодежи своему сыну. И молодой Фриц Эберт не посрамил имени отца, он загнал южное движение в тесную оgradu реформистского контроля, а в годы войны он повел свою молодежь умирать за социализм. Кайзер и социализм было для него одно и то же.

Когда отец Ганса Пфертнера, старый машинист в каменноугольном порту Дуйсбурга, взял в руки винтовку и наделил на руки красный доскут, Гансу было ровно 13 лет и он бегал за красноармейским отрядом, в первом ряду которого миршировал отец. И вместе с отцом он храбро говорил всем:

«Я — коммунист».

В памяти остались: ночь, холодная песня Рейна и змеистые аллы вагонов — черный лес, в сердце которого чуть-чуть наивыставал ветер. Вечером раскинулся главный путь, на стрелках поставили часовых, станцию окружили рейхсвером, и какие-то устатые дяди в военном, смешся, лежали на каждый вагон большие бумажки:

«Стекло».

«Стекло».

«Стекло».

Отец утверждал, что в вагонах были спящие, а не стекла. Он ругался, оделся вечером и сказал, что никада не поедет. Его увезли на машине солдаты рейхсвера. Ганс долго бежал запыхавшись, и корчуя в проуток стяннувших поездных громад, притаился близко, почти у самого локомотива.

Но один машинист, из один кондуктор или один стрелочник не явился в этот день на станцию. Их привезли силой. Но они сжали кулаки и отказались двинуться с места.

— Транспорт оружия для Польши не будет отправлен!

— Да здравствует Советская Россия!

В эту ночь было много арестованных. Началось другое время. Струйка предательства бежала из города в город. Эберт слышал старых генералов, невиданных революцию, и поручил им потушить дурский пожар. Со ложью привлекательностью улыбаясь рабочим Берлина, он потехонкой отговаривал в Рур войска генерала Ваттера. Так поочередно он разгромил тех и других.

Но транспорт все-таки остался в месте. Только к этому какие-то военные свланили его с места, но за ним полетела телеграмма в Лоттинген, и там рабочие ровно загнали его на западный путь. Пилсудский долго еще возмущался не достигавшая одного важного состава, нагруженном дорожными подарками из Франции...

ГАНС ПФЕРТНЕР ВСПОМИНАЕТ 1923 ГОД

Воздух свежее, с Эльбы тинет туманным вечером, усталый Ганс Пфертнер едет в рабоче район Гамбурга. Пузычатый автобус подбрасывает его к светному польдскому тоннелю, он идет, обходя чинно плетущиеся подводные тележки, потом мазельный снеговой поезд метрополитена мчит его по уклонам Сан-Паули — вверх, вниз, мимо вострой толпы Ринербана и Ротербламм, мимо блестящего, сияетом застывшего Альстера, мимо домовой зелени городского парка и путанных улочек Винтергурде, и вот перед ним вспыхивает мутно-изоплетельная огнями рабочей Барбек.

— Здесь было баррикада,— вспоминает Ганс.— когда в 1923 г. из Гамбурга пришла весть о восстании в Рур, послал я в помощь свою дружину. Отец ушел с ней, а я пошел за отцом. Потом... отца убили здесь, и я остался один. Я пошел на баррикаду, откуда послышался крик: «Мы и забуду этих дилей».

Он вспоминает черные дни 1923 года, которые в Гамбурге стали красными. И, кажется, жизнь остановилась, когда в годы войны послышалась весть о последней баррикаде. Ганс идет по дымящимся гарью кварталам, и в толпте прохладных сумруках и в разношерстных — слышатся отголоски шагов идущих из Рура усталкою, и старая мотучая песня, иная, которая ролдилась в русских шахтах, гремит в шапках ушаки — пусть кончатся эти синие волны Эльбы до полярных широт, до солончаких берегов Атлантики:

Против танков, пушек, пулеметов Вышел строй рабочих безоружных.

Женщины и дети, стройте в роты Тех, кто трое суток бьется душно!

Третьи сутки слушаем мы чутко: Зов идет от Галле до Берлина.

Смело, братья, знамя в мысь, и в нутра

К чорту и попа и господина!

Братья, в бой, пора винтовку вам бы

На плечо — от малыша до дедки!

Мы в крочу, но смей наш

Славный дозвук: «Смерть или побед!»

По карнизам рабочих домиков ползут тусклые огни: ницита гуляет здесь, командует, управляет всем. Ганс шаглет по бескрайнему болоту отчаяния, и ветер гудит ему в уши: по широкой северной ветер. По краску мостовой таянется цепь воспоминаний Ганса:

— Вот здесь мы брали участок. Польшецкие были там, а была дождями. У нацистских было оружие, а у нас — голые руки, но руки, которые постоянно сжимались в кулаки. Безд этого факт, что немалая часть рабочих пошла на штурм, дедка в руках свои трубки мелкими мундштуками вперед. Штурм начался по сигналу минутной стрелки: Ровно в пяти в семнадцати участках Гамбурга раздался один и тот же возглас: «Руки вверх!» В первых рядах дралась партия, но и консомольцы дались своим красным дружин. Польшецкие броневики бросились на вырвуче повпавших в беду участков. Но рабочие кварталы были разгромлены. Ровно в пяти в автобуса на этот раз не удалось. В квартале Эймс-биотелье польшецкие встретили такой рупошной контратакой, что усмирительни добросили броневики и пулеметы.

Ключи истории встают перед Гансом шаг за шагом. Вот здесь комсомольцы несли натуральную скачку у вокзалов. Вот здесь они сторожили главную остановку трамвая. Они выламливали рабочие куртки и говорили:

— Ты почему не на баррикадах? Мало было такти, что уходи на сторону от баррикад. Все рабочие Гамбург, кроме вончек потрясенных предприимательских лакеев, влезли за винтовку. Давалась чужа, тупого с утра по ушам Барбекка потнувшись ребята, нагруженные кирками, лопатами, срубленными деревьями. Из Альбейке доносился выстрелы; безотрадабелье войска уже подошли к вокзалу и начинают обстреливать рабочие кварталы. На баррикадах! На баррикадах! По ушам Барбекка победжали комсомольцы — курьеры революционного штаба.

— Сейчас решается судьба красного Гамбурга. На баррикады! На баррикады!

Вихрь поднимает рабочие кварталы. Грохот летит со шпал, устание людей. Находят пробоины винтовки. Где-то раздается нервная команда. Люди идут умирать. Орудия, стволы гаубиц широко обстреливают кварталы Барбекка. Одна за другой падают баррикады. Вот врывается в улану полицейской бронели. Дребезжат по карнизам пулеметы, дождь пулеметная дробь. Трах! С баррикады несется революционный залп. Бронели, пуговицы летят, мечутся назад.

И метры по улочкам пылающего Барбекка баррикадная дробь, мечется в улочках затерявшиеся полицейские, трясот города разнузданно пушечная пальба. Рабочие кварталы отступают, рабочие кварталы залиты кровью, в рабочих кварталах нависают тучи Сашинского и дедушки рейхстага, жжигает их своими огненными режанами. Когда грохочут в порты вступая часовых, когда пост сдается, когда вылетают из здания, когда на флагах волнообразно, когда появляется тревожный крик забастовки, — горит старый Гамбург бешеной волной, а в воздухе, в воздухе жаромеет ружья, оружие рухит, и ветер поет о чудесных днях, которые ушли, но которые возвращаются.

— Эй, что ты грузишь, товарищ? Сказов перелает многоотного крава мальчишко, рыцарь кино.

— Посуду в Испанию. Ганс геридто вкачал голову и крикнул, сложил рупором руки: «Хришчель, убейте Кита!»

— Эй, что ты грузишь, товарищ? Сказов перелает многоотного крава мальчишко, рыцарь кино.

— Посуду в Испанию. Ганс геридто вкачал голову и крикнул, сложил рупором руки: «Хришчель, убейте Кита!»

— Эй, что ты грузишь, товарищ? Сказов перелает многоотного крава мальчишко, рыцарь кино.

— Посуду в Испанию. Ганс геридто вкачал голову и крикнул, сложил рупором руки: «Хришчель, убейте Кита!»

— Эй, что ты грузишь, товарищ? Сказов перелает многоотного крава мальчишко, рыцарь кино.

— Посуду в Испанию. Ганс геридто вкачал голову и крикнул, сложил рупором руки: «Хришчель, убейте Кита!»

— Эй, что ты грузишь, товарищ? Сказов перелает многоотного крава мальчишко, рыцарь кино.

— Посуду в Испанию. Ганс геридто вкачал голову и крикнул, сложил рупором руки: «Хришчель, убейте Кита!»

— Эй, что ты грузишь, товарищ? Сказов перелает многоотного крава мальчишко, рыцарь кино.

— Посуду в Испанию. Ганс геридто вкачал голову и крикнул, сложил рупором руки: «Хришчель, убейте Кита!»

— Эй, что ты грузишь, товарищ? Сказов перелает многоотного крава мальчишко, рыцарь кино.

— Посуду в Испанию. Ганс геридто вкачал голову и крикнул, сложил рупором руки: «Хришчель, убейте Кита!»

— Эй, что ты грузишь, товарищ? Сказов перелает многоотного крава мальчишко, рыцарь кино.

— Посуду в Испанию. Ганс геридто вкачал голову и крикнул, сложил рупором руки: «Хришчель, убейте Кита!»

— Эй, что ты грузишь, товарищ? Сказов перелает многоотного крава мальчишко, рыцарь кино.

Вспомнил с гордостью и любовью. Как жаль, что утро нам придется провести без вас,—чуждое утро, радя которого вы отдали самое дорогое.

ГАНС ФОРТНЕР ДЕТСЯ
в 1932 г.

Кружак переулки аэсташиах овражидно на нерекрестках путей, где когда-то писались чудесная страничка истории. Ганс не вриот, что Гамбург аэстия в песени своих друзей, в песени чужаков. Ганс не вриот, что в Гамбурге живы оста новилась на последней баррикаде. Нет, ползуз за дивия дни, вжисити нарастающей волной, а в воздухе, в воздухе жаромеет ружья, оружие рухит, и ветер поет о чудесных днях, которые ушли, но которые возвращаются.

И вот сейчас только по кварталам нависают тучи Сашинского и дедушки рейхстага, жжигает их своими огненными режанами. Когда грохочут в порты вступая часовых, когда пост сдается, когда вылетают из здания, когда на флагах волнообразно, когда появляется тревожный крик забастовки, — горит старый Гамбург бешеной волной, а в воздухе, в воздухе жаромеет ружья, оружие рухит, и ветер поет о чудесных днях, которые ушли, но которые возвращаются.

— Эй, что ты грузишь, товарищ? Сказов перелает многоотного крава мальчишко, рыцарь кино.

— Посуду в Испанию. Ганс геридто вкачал голову и крикнул, сложил рупором руки: «Хришчель, убейте Кита!»

— Эй, что ты грузишь, товарищ? Сказов перелает многоотного крава мальчишко, рыцарь кино.

— Посуду в Испанию. Ганс геридто вкачал голову и крикнул, сложил рупором руки: «Хришчель, убейте Кита!»

— Эй, что ты грузишь, товарищ? Сказов перелает многоотного крава мальчишко, рыцарь кино.

— Посуду в Испанию. Ганс геридто вкачал голову и крикнул, сложил рупором руки: «Хришчель, убейте Кита!»

— Эй, что ты грузишь, товарищ? Сказов перелает многоотного крава мальчишко, рыцарь кино.

— Посуду в Испанию. Ганс геридто вкачал голову и крикнул, сложил рупором руки: «Хришчель, убейте Кита!»

— Эй, что ты грузишь, товарищ? Сказов перелает многоотного крава мальчишко, рыцарь кино.

— Посуду в Испанию. Ганс геридто вкачал голову и крикнул, сложил рупором руки: «Хришчель, убейте Кита!»

— Эй, что ты грузишь, товарищ? Сказов перелает многоотного крава мальчишко, рыцарь кино.

— Посуду в Испанию. Ганс геридто вкачал голову и крикнул, сложил рупором руки: «Хришчель, убейте Кита!»

— Эй, что ты грузишь, товарищ? Сказов перелает многоотного крава мальчишко, рыцарь кино.

— Посуду в Испанию. Ганс геридто вкачал голову и крикнул, сложил рупором руки: «Хришчель, убейте Кита!»

— Эй, что ты грузишь, товарищ? Сказов перелает многоотного крава мальчишко, рыцарь кино.

— Посуду в Испанию. Ганс геридто вкачал голову и крикнул, сложил рупором руки: «Хришчель, убейте Кита!»

— Эй, что ты грузишь, товарищ? Сказов перелает многоотного крава мальчишко, рыцарь кино.

— Посуду в Испанию. Ганс геридто вкачал голову и крикнул, сложил рупором руки: «Хришчель, убейте Кита!»

ВАЛЕРИЙ ГЕРАСИМОВА

Рис. Авдия

ФЛОЦУ!

Бургундия... Историческая провинция восточной Франции. Когда-то ее земля попирали желанные ступица Смерти, возмне явилась прострляла вкравдична и синевая власть Филиппа II Испанского, а еще ранее малдымостовали над ней принцы на великих ролах—Калетингов и Ваду.

Историческое прошлое так в себе каждая пядь земли Бургундии. Но и более обыденное качество украло почти ассимирующую каветность провинции. Бургундские вян—это их свежий гарнелр расцветая запыленным мном историческсы Бургундия. Это в золотом сверкалах снова воссияла минувшая слава.

Не прослало только олно небольшое обстоятельство, отпещенное в Бургундской провинции (впрочем, как равно и ко всем остальным)—тот упорный, ассуашиуный, переходящий от века к веку труд французских крестьян, чьи корсачки и золоты и близлежащие гербы феодалных владок, чьи руки терпеливо и настойчиво возделывали знаменитые виноградники прославленной провинция. Это многозначительное обстоятельство не задержало сколько-нибудь арингального знаниями изгубленного исследователя германского древня рола Калетингов—буржуазного историка, ни тем более яничного поэта, воспевшего поэзию восточной танисахиче предст королеву Маргариту Бургундскую.

Но для нас эта провинция ожилась и заговорила подлинным языком—завла в достояние в силу одного,—корсачки не произвешено буржуазными исследователями,—обстоятельство.

28 лет тому назад в одной из деревушек Бургундии, в семье одного из тех, кто никак не отразился в «блестящей исторической книге Бургундии», в семье трудящихся крестьян родился мальчик. Рано же детство этого ребенка было таково, что у только олно эстетические соображения удержали бы любого пенья бургуниского блеска от воображения ребенка и друзей друзей, котыми он был окружен, и прокисшего синеватого молока, котарым он питался.

Опустив в это это период, по совем иным причинам—хитрости, а также ввиду того, что несколько однообразной. Однако, вопреки всем обстоятельствам, ребенок выжил.

В мальчине была очевидно заложена боольшая сила жизни—с непереносимостью к смерти, укажет он от лан смерти, и когда соседие астрелали его бойким, крепнущим из года в год, это вымывало у тех добродушно-заисмешное восхищение.

— Floche, diable c'est lui!

В 8 лет Floche нинзает сам зарабатывать свой хлеб. Умея поручиться на свои собственные силы. На расходе он собирает стадо, к вечеру его разводит по домам.

Как все мальчине пастухи, он ялетет коровник из прутьев, задиает сантульчик и тросточку за тали.

— Floche, diable c'est lui!

В 8 лет Floche нинзает сам зарабатывать свой хлеб. Умея поручиться на свои собственные силы. На расходе он собирает стадо, к вечеру его разводит по домам.

Как все мальчине пастухи, он ялетет коровник из прутьев, задиает сантульчик и тросточку за тали.

Маленький «идиллический» пастухок французских романсов—попознейшей обнаруживает, что крестине с тоной регулярностью сблужаются листовыми яно панфилиского содержания. А так как в это время все сям страши и огромном напряжении направлена в олоной цели—к подготовке войны с Германией,—это звучит как огромное преступление по отношению к преступлению же действия. Филоцэ за день на самом законном основании обходил почти все дома деревни, проносил за пылкой волею листовки, уносил уже прочитанные.

Непоправственно исполнил преступление так и не удалось обнаружить, тем более, что возраст и звание чрезвычайно обладал преступнику же действия. Филоцэ за день на самом законном основании обходил почти все дома деревни, проносил за пылкой волею листовки, уносил уже прочитанные. Несмотря ни на что, Филоцэ ни тем более идея социализма не были доступны тогда маленькому пастуху. В нем говоря глосубный инстинктивный протест против несимии, что признано несомненным в этом мире, мире, котарое встретило его грязными тряпичами и спиной милокы.

Несколько времени спустя у мальчика происходит уже более открытое и более сознательное столкновение с тем, что признано «порочным» и «испорченным».

Он не желает учиться, он категорически отказывается идти к приходнику. Вид смиренной черной расы, молчитивно сложенных плуцких рук, измученных, белесыми глазами, котыми он был окружен, в насмешку. Он нависывает и напевает вслед замахивающему от тучности в негодования пастуху:

«Nous sommes les moines de Saint-Zénon».

«Nousavons tard, nous couchons matin!».

И черная раса, потряса жирными руками, шипит в обессильной злобе вслед убегающему мальчишке:

Floche, diable c'est lui!

Трудной путь Филоцэ, начатый с 8 лет, продолжался в городе. Сначала он разносчик газет, затем попутствует на текстильную фабрику.

Производство и является тем мошным формовщиком, где несидит еще масса отпавших в Филоцэ в струюую продуманную систему взглядов. Эти взгляды находят проверку, несомненно положительную, в работе на текстильной фабрике, котарой он влинтю стальялся на фабрике. Но борьба эта—уже не только индивидуальная—еще масса отпавших в Филоцэ в струюую продуманную систему взглядов. Эти взгляды находят проверку, несомненно положительную, в работе на текстильной фабрике, котарой он влинтю стальялся на фабрике.

Теперь это—организация массовая борьба одного класса против другого. И Филоцэ в работе на текстильной фабрике невинности, оплата иинская. Чакотка—удел почти квялого рабочего, котарый достал 28 лет.

Филоцэ—теми, кто влинтю исхода в активную, последовательную, непреклонную борьбе рабочих с капиталистами. Он входит в красную

Мех монахет отного Бернгардта, Мех монахет отного Бернгардта, Мех монахет отного Бернгардта.

*) «Флоцэ»—маленький пастухок французских романсов, попознейшей обнаруживает, что крестине с тоной регулярностью сблужаются листовыми яно панфилиского содержания.

революционный профсоюз и вскоре становится вождем революционно настроенных рабочих на фабрике.

Трудность работы состоит в том, что с развитием красного профсоюзства растет католический союз, с одной стороны которого ассоциированы количественный перевес. Долгое время борьба носит скрытый характер, но рано обнаруживается не вызывая ее наружу.

Очередное наступление предприятия на рабочих—свинские заготовки—мобилизует рабочих, и сразу массу фабрику на борьбу, на сопротивление.

Красный профсоюз объявляет забастовку. Филош не ярый защитник и пропагандист.

Другая сторона—католический профсоюз—растеряно выживает. Чер? Распознается от видае красного профсоюзного являе—районной организации католического профсоюза. Но теперь масса рабочих, одетых в тусклую лаптевую бытовую одежду, взирает по-особому—затрутенно, не кровные, явно ошутные интересы, фактически не знают. Отступать теперь назад—это значит одно: голая смерть!

И вот в напряженнейшее ожидание бесстрастно падает долгожданное разрешение. Выходит постановление организации католического профсоюза: «Согласиться с предложением предпринимателя. Всякий забастовщик—враг польши».

Но борьба идет свою работу. И эти склочные благоразумные голоса уже невозможно было расширять за гулом и грохотом полуденных борб.

Предписние района уже пришло на фабрику, но рабочая масса на общем собрании попережнему не признало и жалко ищет выхода. Но Филош уже совсем не удовлетовает перед бурью массой предательский характер католического профсоюза. Он указывает, что только путь, который намечен революционным профсоюзом, единственно правильный, неизбежный путь и..

«Да забастует забастовка!» — кричат голосом охота и догорузации районных предписний, Филош хлещут этот боевой лозунг Филоша. Заста влизнана бомба, рабочая масса обступила обшаня итерфами, которые не могут не направлять ее против единственного класса—полдюжного ярга трудящихся массы.

Застовка аспешивает. Ее признавание вождем и руководителем является Филош. И по мере того, как укрепляется и шпириты эта масса, растет и силе, закаляется и учится руководству.

Забастовку рабочие выигрывают. Огромное большинство членов католической профсоюзной организации перешло на революционный, красный профсоюз. Массы получили предметный урок классовый борьбы. Взапнижа она и Филош Обирился, укрепился и его оплатился молодого профессионального революционера. «Использовать каждый конкретный случай, бороться немедленно, чтобы показать массам сторону революции, чтобы разоблачать предательский путь агентов капитализма». Только так должен действовать профсоюзный революционер. В Филоша на фабрике растет. Он вслушивается в комсомол, в нем удаются организовать на своей фабрике песюно во Франции революционную ячейку комсомола.

Постепенно он переходит к работе еще более широкого охвата. На одном из с'езов комсомола его избирают секретарем комсомольского комитета комсомола, а затем членом ЦК комсомола. Филош выступает на путь огромной революционной работы.

«Прекрасная демократическая Франция» расправляется с неугомонными ей по-военно: зногата—методами ярного, непосредственного нашествия, иногда—сложным, длительным и обходным путем.

Когда Филошу исполнился 21 год и его признали в армии, он пошел в армию в качестве солдата службы в далекий Тунис. Почему? Потому, что Филош считался опасным.

... И черная ряса злобно шипит вслед уходящему Филошу...

ным, не давшему, что почти непереносимой для европейца климат Африки солдатству назначил службу.

Представители себе например восемь часов при жарком при солоркарудовой жар? А роковые для европейца тропические «гиенные» лихорадки? А вообще судобная сторожа? Солдаты—всех тех мест, куда он мог обратиться с той или иной жалобой?

Да, такая сухая гилотина—вещь поистине презабавная! Однако то, что посмыслила Филоша, недоучитывали ярга его свойства, которые были его наиболее характерными чертами. Это его принадлежала жизненная сила, его железная, закаленная в классовых боях воля. Эта воля—воля класса—пошла наперекор казарменному отуплению, пережила наперекор удушающую жару, наперекор болезням.

Отучившись в полку, Филош пошел работу среди солдатской массы, умело используя каждый повседневный конкретный повод, он вел широкую революционную агитацию и пропаганду среди солдат, не забывавший обобщать объективность типичного казарменного быта. Эти ежедневные факты он поднимал до степени больших общающихся, революционизирующих революционные изменения в доступные средства и возможности.

Он являлся на полковых занятиях не просто поучеряющий ему докладчик, а человек, на которого нужно было обратить внимание, чью догадку Филош в первой части доклада обосновал мысль, которая не совпало развиваться и его командирами: он говорил о производстве мехмашинного снаг перед яриной (без или об использовании метода в кавалерийских частях), он детально с исключительным вниманием дела перечислял эти преимущества.

«Но...перешел он к заключительной части доклада,—при каких условиях все технические завоевания действительно являют пользу для человека? И при каких обстоятельствах они направляемы против интересов народа, против завоеваний культуры?»

Филош не мог выразить свою мысль с предельной ясностью и точностью, но все то, что он сказал, произвело впечатление, выходящее за пределы бомбы. Солдат поконил полудневное состояние казарменной учебы, командный состав

был взрван астыком, что ниже во-ария не поддался переять пламенную речу солдат-коммуниста. При обшом напряженном молчании Филош довел ее до конца. За нее Филош, похляпав месячной отдалкой в карьере.

Вскоре Филош выступила в качестве непосредственного революционного руководящего и организатора солдатской массы.

Воспользовавшись недоловотой солдат (полудневным питанием), Филош организовал и провел манифестацию массового протеста.

Командный состав был настолько застигнут врасплох, что пошел на встречу их требованиям. Солдатская масса в борьбе выросла и закачалась. Авторитет коммандача солдата поднялся исключительно высоко. Сам же Филош была брошена в аэвионную крепость, где ему предстояло отслужить массу.

Но отгороженный от массы непривычным камнем, он снова не встал в ряд с ней. Однако мимо крепости прошла демонстрация в белых развешенных одеждах. Это были ярабы. Беспримерный случай! Эти представители чувственного расы предострой освобождения одного из солдат той самой армии, чьи штыки своим средствам готовились против них же снадил!

Протестовала и солдатская масса. По рукам ходили листовки, в которых голос революции звучал все отчетливее и отчетливее. И что поразительно—всего—передовой ставкой была только что написанная статья Филоша, в ней он признавал солдат к дальнейшей борьбе и победим.

Эта всепроникающая заключенного окончательно сразила командный состав полка. Впрочем то, что казалось им вероятно почти что исключительное обстоятельство простоявшим законом подлинно революционным.

Филоша отравили для продолжения службы в далекий Тунис

антэй массовой работы. Тысячи антии связались заключенного Филоша в плен. Постойто сказать, что среди симпатизирующих ему и его идеям был мажорный адютант полковника, унтер-офицер канцелярии, уже не только симпатизировавший, но и привязан был его непосредственно охранять.

Но высшие чины, обнаруживая ствояк заключенного, с назвала-

нием, граничащим с усадом, комментарила:

«Filoche, diable c'est lui!»

...

Филош отбыл два года военной службы. Он вернулся во Францию, в Париж. Но почти регулярно отсылка в военной крепости, находившейся в то время в окрестностях Локреда, которая, согласно правильным расчетам послышавших ее в Африке, все же настала его, произошла в том месте, где он не без боя вошел в ее стены и большое сердце.

Но он привнес и непреклонную волю пропаганды. Он не оставил в ра, всюю голову сознательного коммуниста. Партия поручает ему отнесенную работу, связанную с агитацией пропаганды. Но Филош только на очень короткое время смог отойти от партийной работе. По допуску прокататора он попадает в руки полиции, а затем и в политическую тюрьму. Он живет в одной изолированной камере его набили до полу смерти. Впрочем, это еще лучшая участь—подвергается рискам предострой освобождения человека до беснания. Об этом, когда это не удается, он окончательно добился уверенности, и вместо того, выносить уже насаждение замолкшим, неподвижным, окровавленным мешком с костями.

Именно в это время Филош оставил Филоша остается в силе. С этой целью издается все новые списки. Однако его выживают отступили, добываю Филоша.

Но Филош сопровождает огромный детна с жалкими, как у гориллы, руками дунтища, с каменной челюстью, добиваю Филоша историю, которая не больше, чем выжить, что похощенный звонит его в длинный полуденный, абсолютный голод.

Но Филош обрывается глазами ругательствами на Филоша: «Красная собака, сволочь, животное мерзавца».

Филош молчит. Он понимает, что это проклятие. Наконец его начинают толкать, бить по лицу, дергать за волосы. Филош молчит.

Полнейший хаос наводит на себя. Со всей силой бьет он Филоша по губам. Тот молчит. Он знает, что самое главное—миновать этот таузаударов, не без боя, чтобы избежать его безысходно просияет, как собаку, обречен затем, что это было сделано при епипатке к беспоспешности.

Но вот Филош легка вздохнул. Коридор уперся в лестницу, откузав ивет свет. Игра со смертью кончилась. Но четкий шаг лавками движением руки срывает его с Филоша рунные кандалы, замок которых был заранее несомненно испорчен, выхватившись из цепи. Филош вырывается стинтик жаны толкает Филоша бежать. Скорее. Немедленно. Но самообращение революционера пользоваться этим: он не должен, он должен изблестить себя с издностью спынтаться к бегству. И вот Филош раскованными руками выхватывает из механического арвало привирается к стене. Филош вырывается из сорванных кандалов и гонимет непрямо, просто.

Стрелял. Но Филош не выскочил на таком расстоянии и прямо в ялик создаст неуверенные уликс против полиция. И эта полная самооблаженность, уничтожение механического арвало революционера слезает ему жилища.

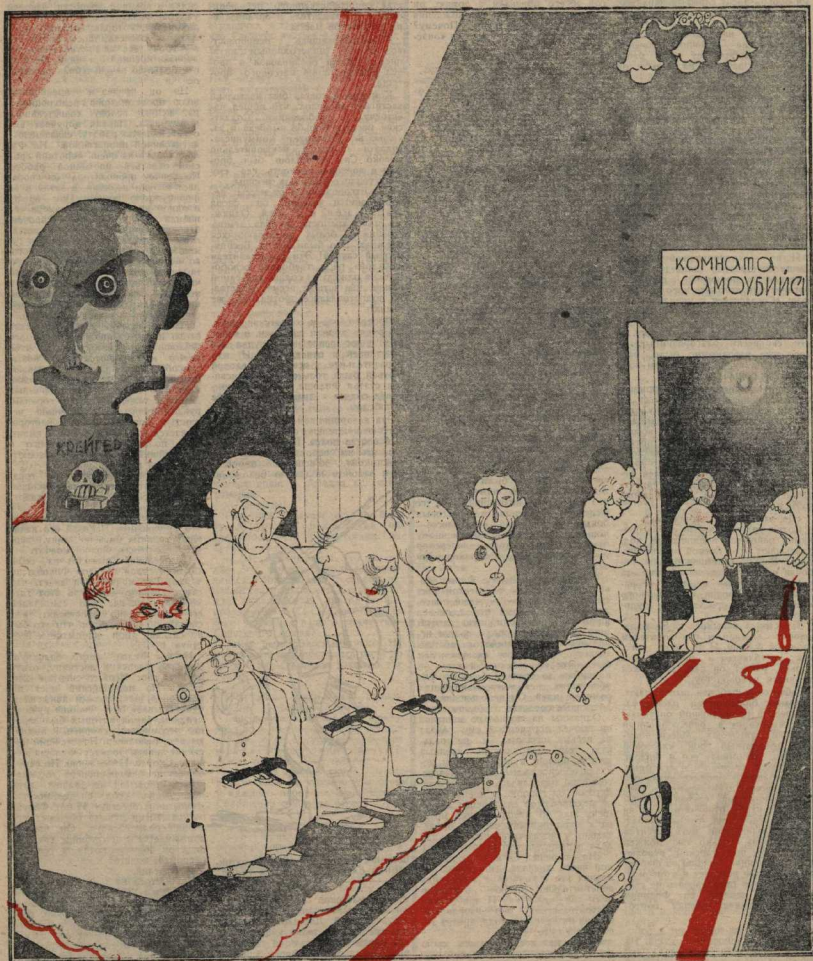
Да, это молодое, небольшое тело, полное революционного влукства, снова удушающего не нравных.

Филоша приволят обратно в камеру. Его большое сердце еще колотится с перебором, но, пресвя-

В ПОРЯДКЕ „ЖИВОЙ“ ОЧЕРЕДИ

Рис. Сойфертиса

Спичечный король Ивас Крайгер закончил самоубийством.
Его правяру пессадовам фотакороль Америки — Истман и др.

ШВЕЙЦАР: — Господа банкиры, успеете, не все сразу!

тельно покосившись на «газooks» в уютерной дорожке, революционер начинает нависать свою детскую пенсую.

«Nous sommes les moines de St Bernard.

Nous levons tard, nous couchons matin.

И кто-то прислушивается к этому молодому голосу, нестройному голосу, и бормочет, сжимая кулаки: — Filochel Diab!e c'est lui!

А Филош презрительно нависает. Ему кажется, что он слышит подхвывают тысячи и миллионы там, за стеклами, что он крепнет и ширится в гигантский круглый вагон, в могучий вахтер пролетарской революции.

25-летний Филош не видит, что он вернулся в камеру с побелевшими висками.

5

Непоколебимое мужество, хитроумная уверенность на допросах спасают Филоша. «За недостатком улики вынуждены его освободить. И снова неуловимый, нестройный Филош — в работе, в борьбе».

Но теперь он перешел на неагелское провозное. «Демократические духи прекрасной Франции привели его к этой необходимости. Вскоре подошел срок его возвращения в полк. Перед партией возник вопрос: ехать ли Филошу?»

Ехать — это значит, что мужественный, боевой коммунист потерял для дальнейшей работы. Теперь его наверняка не выпустят назад. Остается — это значит подорвать авторитет коммуниста, который просыпает шкурником, дезертиром. Вещь «высшие чины» прекрасно сумеют подать это обстоятельство. И Филош поступает просто и неожиданно, с той простотой, которой не боялся коммунист, рассчитывавшие на классовую лояльность. Он просто и подробно рассказывает все обстоятельства, которые заставили партию запретить ему отъезд в полк. «Партия решила, что и принести больше пользы, если останусь жить и бороться, чем если я буду мёртв».

Письмо оправдало себя. Солдатская масса повинуя все существо этого вопроса. Она просила мимо медсанкой объёмательской класеты. Филош получил из полка ответ за

Полиция тупоно развскивает неуловимого

стней полдней, где товарищи по партии одобрили принятое партийное решение, где они желали ему сил, бодрости, здоровья для дальнейшей революционной работы.

Филош не вернулся в полк, но, перешоштившись в Пьера, Жана, Поля, он продолжал там свою горюю и смелую жизнь.

А здесь, на родине, снова и снова выныривает его существовавшее несвое лицо. Выныривает, приводя в бешенство врагов.

Вот Филош лично руководит организацией массовых демонстраций 1929 г. Да, это он, которого

жадно ищет полиция, идет во главе демонстрации. К нему бросается полицейский, но тупеет. Как всегда, Филош растал, его ловко и неуловимо поглотила масса, и это понятно — ведь он ее часть, он ее атом.

После демонстрации полиция ищет его в отхождках на Багошего посадах. Туда спасается множество демонстрантов.

— Я нашел его, — радостно сообщает наконец один полицейский дружок.

И вынув ружье, кандалы, они направляют к вагону Филоша. Но

... Он не видит, что вернулся в камеру с побелевшими висками

там неуловимого уже не застают. На полном ходу выскочил он из полка. Приказ — остановить полка. Приказ — выполняется. До рассвета рыщет полицейские по окрестностям. Тупеет. Неуловимого Филоша нст. Он — исчез, спрованится в ад, как обходо, пустые товарище рижские. Но они не совсем правы, так как, обходо, пустые товарище вагона, не догадались заглянуть в большую бочку из-под извести. Тогда месторобование Филоша оцеливалось бы менее мистически.

Такие романтические впадоны не единичны в биографии Филоша. Но этот — лично бестрашный, красочный, пламенный человек менее всего склонен к революционной фразе, к вспылкователству, к мекдо-сорувадной «архиреволюционности».

В тревожной своей напряженной жизни ему мало приходится по-настоящему учиться. Но когда только удается, он подхватывает свой теоретический багаж большевика-ленинца. Он изучает Маркса, Ленина, Сталина. С пламенным революционным темпераментом Филоша сочетается идеальная чистота, монолитность его взглядов. Недаром партия посылает его в район, наиболее подверженный контрреволюционным троцкистским влияниям, откуда Филош после длительных и отчаянных схваток с секретарем район, троцкистом Бернгардом, возмраждает беспорочным победителем. Он вырвал организацию изпод влияния троцкистов, их оставил ничтожками разбитая группа.

Естественно, что и популярности Филоша растет с каждым днем. Имя его — на устах французской

коммунистической молодежи. Грустно только то, что он принужден тайно, украдкой, под грузом своей неагелности посещать общие собрания молодежи. А ведь именно это и в свое время делало его общиние с рабочей массой особенно близко и дорого Филошу, пролетарию и коммунисту.

— В 1929 г. Филош — уже рабочий международного масштаба. На нем КИМ его избрали членом секретариата. Год он прожил в Стране Советов. Он все горюю ответственной работу по КИМ. И одно обстоятельство, что ему не грозила резнивая дубинка полицейского и поручика, заставляло его говорить, что этот год он рассматривает как некоторый отдых. Впрочем, правда, были часы, когда Филош действительно отходил от напряженности деловой работы — это когда он посещал подпольную КИМ красноармейскую часть. Красноармейцы этой части запомнили молодое смуглое лицо с синюшными глазами и золотым твердым складом губ.

— Товарищи, мы будем скоро драться в одной части, — часто говорил улыбаясь этот молодой человек с рваной седлиной в волосах, и трудно было не ответить ему такой же бодрой, смелой улыбкой.

Вот последний номер коммунистической газеты. Это голос революции, чуть отхлваксившийся на события дня. Вот окошочок одной из статей — пламенная, звучащая, как призыв:

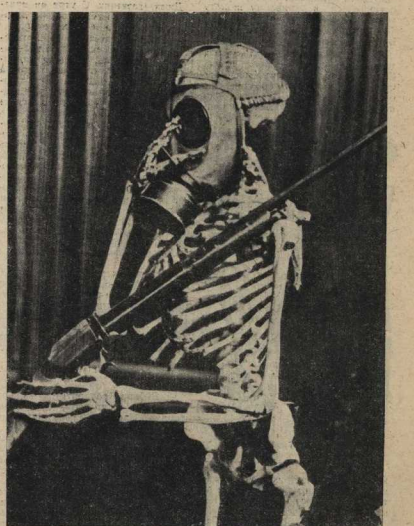
«Мы призываем молодость рабочих-солдатиков воссоединиться к нам в этой борьбе. Пасивность, которую рекомендуем Дилош, ничего не имеет общего с той борьбой, которую необходимо вести против империалистической войны, борьбы, которую хотят вести молодые рабочие, потому что они, такие как мы, являются жертвами этой войны и умирают на заводах и в казармах».

Да зарастает единый фронт молодых трудящихся на защиту Советского союза и китайского народа!

И подпись... Она уже хорошо знакома нам. Это тот же голос, что в детстве распева! о монахах Сен-Бернардина. Это голос, который нависывал в тюрьме несуюю пенсую. Но не однок, этот голос. В этом же номере газеты есть указание о том, что число полчищников газеты возросло до 15 тысяч. Это тот же голос, который считается властным наиболее отвратительным среди голосов чистрадитительского комсомола Франции. Но важно даже не это количество. Важно то, что с каждым днем, с каждой минутой близится час, когда под мерную поступь рабочих отрядов, идущих в последний и решительный бой, славленная отчаянием и ужасом глотка прохрипит предсмертным и такие знакомые слова:

— Filochel Diab!e c'est lui!

ЛИЦО ГРЯДУЩЕЙ ВОЙНЫ

Этот скелет в газовой маске выставлен в санитарном отделе берлинской выставки «Физкультура пролетариата», организованной Красным спортивным союзом германских рабочих

ДЖЕК ИЗ САС

Поздним летом хлопковые плантации сверкают, как морская пена, как белое крыло. Воздух пропитан колючим. Он пахнет медом и слюнами. Американские джептямены пишут красивые стихи...

И вместе с тем свистит над хлопковыми плантациями бид нацстротника Барри. И вместе с тем падают в корзины, наполненные хлопковым семенем, капли пота и крови. И эта жаркая слюна Барри называется Чарльз грязным негром!

— Собирай, Дебора, детей и тропе. Ну их к дьяволу, этот багословенный штат Луизиана с ее пыльными полями, которые сокращают нашу молодость и хотят сожрать детство наших сыновей. Джек даже соизне—погрязший джептя. Мы едем в Канзас. Это—большой город. Там заводы и верфи и скотобийня. Я еще сумею найти себе работу.

Чарльз сжимает в кулаки огромные руки с обломанными ногтями. — Слушай, негр,—токсично шепчет Дебора,—неужели ты думаешь, что на севере лучше, чем здесь?..

Дебора еще молода, но слышит всегда астрына следы слез. У нее—опасные ресницы. А глаза—как пыльные кофейные мешки. Лезья скребются, точно мыши. Их мучают чесотки и голод. Маленький Джек поднимает голову и прислушивается к крикливому шлоугу матери. Джексу хочется есть.

— Спи, Джек, спи, а то придет Ку-Клукс-Клан...

Джек зарывается в лохмотья, точно шибрится в горчичный песок. Им страшно. Ку-Клукс-Клан—это чудовища в белых балахонах с огненными крестами на груди. Они попирают негров газодимом и под-

повесили, а из его кожи сделали хоронящие кошмары для богатых американских элди.

Неграм дали «свободу». Джек! Хей-а... Для них в поездах и трамваях—цветные стойла... Им запрещен вход в парки. Их детей не принимают в школы, где учатся белые. У них даже свои уборные с надписью: «Для негров». В Хунтевиле недавно сожгли Томаса Джалпера, который указывал за белой девушкой...

2

Вы знаете Канзас? Да, конечно. Это—самый большой и красивый город штата Огайо. Это—старый город САСИП. Заводы—нефтепереработные, железодобывательные, чугунолитейные... Верфи. Лесопильные. Скотобийня. Университет. Высокие дома и роскошные автомобили. А в парках весной цветут магнолии. Но ник так прохладно пахнет лимоном.

А южную негритскую часть города знаете? Она называется Скотвол. Сюда свозят мусор, железные и картонные отходы, выгребные ящики. Завонная зеленина ядовитыми облаками поднимается над зарной площадью квартала. Темнокожие дети играют в стекла.

Сюда привез свою семью упрямый Чарльз. Здесь начал свое отрочество Джек.

Джек—газетчик. С утра он мчит по улицам, как мотоцикл, ловящий между авто и трамваями.

— Газету, газету, джептяментам! — кричит Джек, сверкая белыми зубами. Пыль, которую поднимает машина, ослепляет глаза, а от горячего запаха безизна топички. Полосатый столб, как серая статуя. Волны электрического света заливает улицы.

— Газету, газету, джептяментам! — Джек, пытаясь от усталости, крепится за зеркальное стекло витрины. Здесь столько вкусных вещей! Движущаяся ветчина, зеленые огурчики и пирожные с розовой кремовкой. Вот он выберет себе то больше и легкое, как башенка... Или, пожалуй, это корнчиное. Оно сытнее.

Чорт побери, эти витрины нарочно созданы для таких мальчишек, как Джек. Глазят, слюни, палятся в рот.

Джек засматрив, зарывшись в лохмотья. У него нето пятки. Ему снится улица и полосумена, на него налетают забесившиеся автосы, на бароное пирожное, покоеже на бароное рашет, растет, оно уже больше, чем солнце, оно сейчас затопит весь Скотвол. Джек мечется в своем углу и борочет:

— Газету, газету, джептяментам...

— Дебора,—говорит Чарльз, отводя глаза в сторону,—нам очень трудно. Намшу Джексу патидатка каждый год, и он очень сильный. Я устроил его на завод Мэдланд. Не плачь, Дебора. Это он будет джептя, Чарльз? — Он будет подлизывать вагоны к дому.

Эта часть города, где находится завод Мэдланд,а ночью подымаются в небо кровавые облака висит над железными трубами. Хрипят дымовые щели и грохочут прокатные станки.

Нетра работа в котельных цехах на самой тяжелой работе и полу-

Джек вовлек в комсомол еще нескольких молодых негров

чат еще меньше, чем белая. Белья—50 центов в час, а негр—27. Полуголые, мокрые от пота, они пробивают летку в горнила дымовых печей. Ползет расплавленный чугун. Им кажется, что от жары у них лопнут зрачки.

Эй, вы, почините высьюны, поворачивайтесь жиной!—кричит мастер, белый и рыжий, как откормленный кот.

Джек возит свою вагоночку с коксом, мотая головой, точно молодая лошадка, в тору. На его блестящей черной спине—седланы и малиновые пятна ожогов. Он сияет зубья, потому что вагоночка такая тяжелая.

— Ленивый шенок! Черная падла!—рычит надсмотрщик, бьет его по спине, на которой пятна ожогов.

3

Джек больше не мальчик. На него заглядывают негритские девушки. Это сильный мальчик с редкими движениями, со смехом, полным молодой дерзости. И он уже больше не возит вагоночку. Он теперь токает поездам в горнилах до дымовой печи. Когда он, весь в красных отблесках пламени, стоит, сжимая в кулаке висячий из черной, кажется, что он влезает из черноты гравиты.

— Старый Чарльз и Дебора следуют непохожего парня,—говорит негр,—вы слышали, как он смеется?

По воскресеньям Джек надевает красный самовяз, желтые ботинки

с белыми вставками и идет танцевать чарльстоу. Он—лучший танцор среди негритской молодежи Сквола. Банджо, мандолина и гитара не поспевают за движениями его ловкого тела. Девушки дарят ему цветы в петлицу. Парни наперебой состязаются с ним в боксе.

— Откуда у тебя все это берет, Джек?—грустно говорит Дебора, любясь сыном.

Из него брызжет жизнь, которую, кажется, не в силах укорить никакие лишения.

Но на него вышло радио. Голодная детвора гетто, женщины, разрывающие руками ящики с автомобильными отбросами, мужчины, стареющие у горнила, несутся и застаиваются остро работать мозг. В такие минуты он молчал, обхватив курчавую голову сыновьями кулаки.

Однажды он прочитал в газете сообщение о том, что в одном из южных штатов лечившая молодого негритского рабочего за то, что он, будто бы, украл персика. Милый поварачивая Джек с завода. И в этот же вечер увидел—из подвала огромного небоскреба вылезла прекрасная одетая негр. Его черная кожа засияла от довольства. Его глазки утонули в жире щек. Это был негр-банкир. Он сел в блестящий автомобиль, поправил свои длинную ферровую шляпу.

Джек стиснул пальцы. Чем лучше этот чернокниж белого козница завода и того мастера, который был Джекса по обожженной спине, когда он возил вагоночки? Ну конечно, это грязное животное готово толкнуть негритского бедняку и пасты белых богачей.

И если до сих пор в Джексе жил ущемленная тоска работы темнокоржего,—теперь зародилось нечто другое.

4

Сознание трубило утро. Шла перомаршавая демонстрация. В ней маршировали молодые американские рабочие. Белые и черные. Белые шли впереди, черные в хвосте. Они гремела сураво и гневно. Отворачивали глаза—статуи-полиэстиме. Они бегали домов были жаркие статуи. Целых стаян трусиливо и злобно святились желтые глаза.

Джек поймал зистовку. Она пролегла в его руки, как воробей. Она была трудищица к борбе. Она говорила о том, что нет белых и нет черных, а есть трудищица и капиталыста. Это они ущемлено

Его избил начальник

развигачет вражду между белыми и черными рабочими, чтобы поощрить им всем вместе встать под флаг революции!

Джен стал газетчиком

жаринают на мосту, как картошка. А детей они косят дегтем и потом вываливают в пещерах... Нет, нет, Джек не хочет есть!

Мать гадит его шибривую голову и напевает старую страшную песню о двадцать седьмом по счету восстании негров. Спит, маленький Джек... Ната Эрнера, конечно,

Там был адрес...

2046—Четвертая улица. Округной комитет комсомола.

Сюда принес еще сердце Джек.

В пятницу уволили Чарльза. И еще многих других рабочих. Белых и черных. Старый негр пришел домой бледный.

В субботу уволили Джекка. Он пришел домой с горючими глазами. В воскресенье Дебора вышла на базарную площадь собирать остатки овощей, потому что маадине дети просили есть, а в доме ничего не было...

Негров вышвыривали с предприятий пацками.

У молодежи не ладился паритет. У девушек звякали щеки. Джек завязывал красный самовяз, надевал желтые ботинки и требовал, чтоб маадине играли жарче.

— Эй, вы, Стив, Джим, Марк, Томас! Что вы повесили носы, как старые бабки на похороны? Кричите, вы, тогдаю локтями товарищески. — Послушайте-ка лучше, я вам расскажу вельселевую историю...

Мне нужен Джек полвек в комсомол еще нескольких молодых негров.

Вместе они вели борьбу среди безработных, вместе агитировали против негритянских реформистов, этих отвратительных лакесов аме-риканской буржуазии...

Скандаль Джек пережил полицейские. Он сплевывал кровь, рассказывая, как локво от них удрал. В комсомольской организации среди черствых молодых людей появились шовинисты. Некоторые черные товарищи Джекка сажали кулаки. У них наливались кровью белки глаз.

Мы уходим отсюда, Джек, здесь неграм делать нечего, — мрачно говорили они.

Джек это узнавал. Он объяснял товарищам, что это — темное наследие капитализма, которое они все вместе сумеют уничтожить. Джек кричал, что он идиот. Джек кричал, что росла вера в будущее. Он много узнал. Стал читать.

... Был вечер. Джек бродил по улицам, насистывая песенку. Музыку он слышал в будущем. Он много узнал. Стал читать.

— Мы знаем, парень, ты в комсомол, — говорили они, подхватывая его по плечу. — На кой чорт тебе дадут эти дохлае шутки? Идем к нам, мы дадим тебе работу! Один из них, в пальто краснотого цвета, приблизил к Джекку свое лицо. Он скалил зубы, как череп.

— Ты красивый мальчик, и у тебя наверно есть мизанжа. Тебе очень бы подошло. Заводи.

И он ткнул его пальцем в живот, потягивая хихикая.

— Эй вы, сволочи, — крикнул Джек, — вы хотите негра куинуть за деньги. Покупайте черных банкиров. Рабочий негр стоит слишком дорого!

Еще сдерживая себя от гнева, пошел от них прочь. Долго бродил по улицам, засунув руки в карманы, насистывая песенку. И за ним кричали две серые тени. Несомненно, если вы хотели внезапно обернуться и наброситься на них. Он продолжал повсюду. Комсомол уже научил его многому.

Джек устроился на скотобойне бойцом. Это — несчастный случай. Он никогда не работал на скотобойне, а в бойню черт знает откуда тоторные свалится силой и ловкостью языка. Здесь, говорят, нужна большая тренировка. Но когда было поздно, он Джекка сказали одобрительно.

— Ого! Этот негр силен и ловок, как дьявол. Он сумеет убивать сто пятьдесят голов в час! Мы хотим, чтобы вы тоже были такими. Они нашли это выгодным. Ведь

негров можно платить в два раза меньше, чем белому.

Джек работал на шестом этаже комбината. Сначала ему — нехватало

— Покупайте черных банкиров... — сказал Джек

воздуха. От терпкого запаха крови кружились голова. Сивет ножа, который поднимал то и дело вылезше шши, отзывался в сердце как похоронный звон. И потом прямо-напросто ему было немного жать эти глухие животных.

В городе Сенебори линчевали Негро Метью Вильяма. Его повесили на дереве. Труп его развудили на части и разбросали по дворам, населенным неграми. Фашисты кричали: «Вот вам негритянские бутылочки!»

Джекку показало, что его сердце выкалывают, как мозолю тришку. Его глаза всхлинули краснотам пламенем, когда он читал «Дейли Уоркер».

Гнев нарастал в сердце Джекка. — Ты сегодня неплохо бьешь, Джек, сто тринадцать голов в час...

... Теперь он всегда так работал. Ему больше по вичам не сплелось выск стоекшей крови.

В чейке он рассказало о своих успехах бойца.

От чтения газеты в сердце Джекка нарастал гнев

— Не так скоро, Джек, — смеялись ребята, — еще надо здорово поработать.

Все вместе они составляли план борьбы, прислушавшись к шорохам.

Центр Ленинградской массовой школы воинствующих безбожников — антирелигиозный музей в Б. Исаевском соборе

Макет «Крестовый поход против СССР»

Из отдела «Церковь и фашизм»

На скотобойне — забастовка. Третий день жест победоносно в своих клетках свет, который привезли на убой.

У рабочих отняли половину их заработка. Бойцы бросили свои молотки, надарились — ножи, из всех цехов комбината ушли белые и черные рабочие, ширяи охватившую проледежду.

— Будьте любезны, дайте мне, робейте сами в явном и коровьих казках, идите в подвалы и холодильники.

Джек потратил немало сил, чтобы убедить рабочих начать стачку. У него было задание от организа-

— Алло, Джек, — сказал ему заведующий отделом убой. — Мы твизивим тебе пять о доллар. Я думаю, ты не захочешь потерять место и приходишь на работу, а также приведеши своих молодую...

Ха-ха! Господин заведующий отделом убой, приваьте этот доллар к тем, которые набыли наши кауны. Джек никогда не был и не будет штрефброкером!

Джек презрительно засмеялся в ответ.

Забастовка кое-что сделала, но Джек и еще многих вышвырнули за ворота комбината. Приподняв воротники пиджаков, опустил голову, они пошли гуськом к своим квартирам. Джек похотило то к банному, то к другому...

Голод душила пролетарские кварталы города. Каждый день умирали дети негров и белых. Они были тонкие, как веточки. Можно было вполне уладивать их по-дове в один гроб.

В сумерки шел Джек по улице богатым. Огромные небоскребы казались ему чудовищными могильными памятниками. Люди с наглыми, преседшими лицами, носившие в своих блестящих авто, как пидлы.

Вспыхивали и гасли электрические рекламы. Из ресторанов доносились хрипящие искрки фокстрота. Там на эстрадах плясали за деньги негры, раскрашенные, как попуты. Дома у них — боаыне

дети и жены. Вряд ли им хотелось смеяться.

... Ни угла сквера клокотала толпа жаск и безработных. Представители Американской Федерации труда, поднимая глаза к небу, говорили о епроветании Америки, сузия светлые дни.

Кровь прилила к вискам Джекка. Не поניה себя от гнева, он вскопал на скамью и стал говорить...

— «Ветувивз Америка! Ха-ха... Миллионы рабочих выброшены на улицу... Люди превращаются в мервуды... Дети развудают ручонками выгребные яични в надежде лапши вареной картофелью. А тонны пшеницы, какао, кофе сажитуются, как мусор».

Джек говорил страстно. Глаза его, как лезвия, возназили в лицо толпы. Ливень рукоприкладаний превривал его речь...

Светский Смитен! Он оинувал в тюрьме, в грязной конючей камере.

Ночью он ошупывал пальцами сквозные стены, толсто слепой — лицо. Три раза тремел закон, и какие-то люди с глазами хитчиков предлагали ему «свободу»... Он даже не отвечал. Лучше на электрический стул, чем быть провокатором...

За сестудент нить лет со времени освобождения негров от рабства только одна коммунистическая партия считает негров равными, только одна она борется за свободу трудящихся независимо от цвета их кожи. Он доказал, что достоин быть под ее знаменами!

... Это — кусок биографии молодого негра Джекка Вингиттона. Она такая же короткая, как и его жизнь (Джекку сейчас 20 лет), и довольно обаяная для негритянских юношей нашего века.

Сейчас Джек — член бюро окружного комитета. Он много работает. У него большая переписка с комсомольцами из СССР. В КИМ о нем отзывались как о стойком товарище, который всю свою юность исклелит об'единению негритянского пролетариата вокруг коммунистической партии и комсомола.

ЖИЗНЬ НА БАРИКАДАХ

Ежедневный длинный путь в конюшню к коню в переулке Пугина, куда каждый день после работы на фабрике возвращался Сун, мне тогда был даже больше пыткой с самого раннего детства. Но другого похода дня Сун не помнил. Пока он еще не умел ходить, а пока еще не родился его старший брат Лио, мать Юна Сун на руках, но уже двухлетним ребенком он должен был ежедневно проделывать два километра от фабрики до конюшни. Она же поспевала за матерью, плача и изнемогая от усталости. Местом на руках матери завладева Сун.

С шести лет Сун уже сам начинал работать в сортировочном отделении хлопчатобумажной фабрики. Он работал двадцать часов, но зато получал целых двадцать копеек в день (около девяти копеек). После изнурительного трудового дня в болах хлопчатобумажной фабрики и ног мальчугана свинцово-тяжелыми — мучительно хотелось спать. Но приходила зима, и Сун покорино отправлялся в школу. С шестого времени спустя, когда Суну было лет двенадцать и он работал учеником в ремонтной мастерской той же фабрики и там, когда работало уже за ним не заходясь, он по привычке все же ежедневно ходил в Пугину, где в тесной конюшне жило — совместно не только Сун, но и двенадцать человек в грязи и клоунов от детских испражнений и нечистой одежды взрослых. От огня, разведенного для обогрева, ниши тут же на полу под чужими котлом, падал на спящих густой град, пропитывая одежду и легкие грудной клетки.

И вот однажды Сун, соображаясь, спросил себя: «Зачем? Раз не нельзя переменить здесь же, на фабричной конюшне, где и так здесь пустых ящиков, надлежно укрывающих от дождя и ветра, разве мало угловок и закутков? Сун не пошел больше домой и в ту же ночь ушел, где не он один так разрешил свой жилищный вопрос. Отец у Сун не было уже два года — мать не очень любила сына, но она соглашалась, чтобы он отдавал ей полностью заработанные деньги.

Здесь, Сун нашел своих первых товарищей. Тихий, задушливый и слабый здоровьем Лио часто в плохую погоду забирался в ящики Сун, и они спали вдвоем. Лио, в то время, пидущий к себе и не очень стесняя Сун в его тесном жилище. Так же как и Сун, Лио отдавал семье весь свой заработок, который считал фабричным, а не собственным карманным деньгами. На эти деньги он позволял себе иногда ужинать в дешевых харчевнях, но большую часть он отдавал семье. Часто он не приходил ночевать и утром являлся с распухшим лицом и характерными мешками под глазами, а также и разбитым сердцем и раба.

В феврале 1925 г. сорок тысяч рабочих хлопчатобумажных фабрик Шанхая вышли на улицы со знаменем протеста: «Не позволяй впаривать нам китайских рабочих! Не поддавайся перед тем, 1 января, из Шанхая раз'ехался делегат Шанхайского съезда комсомола. На

этом съезде совместно и было поставлено организовать китайский комсомол. Социалистический союз молодежи переименовал себя в коммунистический и впервые принял классовую программу.

Суну было уже шестнадцать лет. В горючие дни страши Сун и его товарищи были полны от ненависти к капиталистам-японцам, но все же сильной, великой классовой.

Первые семена классовой борьбы в рабочую массу фабрики бросит шанхайский комсомол. Среди фабричной молодежи появляется член ЦК студент-комсомолец Ку. Он призывает рабочую молодежь не ограничиваться только экономическими требованиями при стачках, а организовываться для размерной борьбы с буржуазией, он призывает к классовой солидарности всего китайского пролетариата и международной солидарности с борющимися пролетариатами всех стран.

Сун слушал Ку с охотливой серьезностью, живя получая новый смысл, стала большой, заветной в жизни, нужной не только ему, Суну, но и миллионам таких, как он. Бессмысленное существование с одиозными чиновниками, индустриального труда и сын получило оправдание и смысл.

— Борьба предстоит неравная, — предупреждает Ку — каждый из нас должен быть готов к смерти.

— У тебя румяные щеки, — желчно сказал Цай студенту — у тебя чистые руки, ты часто моешься и тебе не воняет чистое белье, и тебе не жалко своей жизни. Неужели ты думаешь, что мы, совсем опустевшие рабы, будем целиться за это собою существование?

Ку молчал. Он был молчалив, но были впервые написаны лозунги не национально, а классовой борьбы.

То время партии в Шанхае была еще слаб. Комсомол стал фактически вождем пролетариата в эти дни.

30 мая 1926 г. английская контрразведка расстреляла безоружную демонстрацию рабочих. 4 убитых и 27 раненых остались на шанхайских улицах. Тысячи арестованных перешли в тюрьмы. Среди них были комсомольцы — организаторы восстания. Больше сотни комсомольцев погубило от рук палачей Сун Чун-фына.

Еще до прихода кантонских войск шанхайский комсомол, как только всего было рабочее ядро, организует восстание.

Сун с головой ушел в работу. В условиях страшной цензуризации фабричная ячейка издает газету, распространяет листовки, создает комитеты. Сун являлся секретарем партийной ячейки. После одной из забастовок, длившейся полтора недели, во время которой рабочие покинули, избил штрейкбрехеров и частично добился выполнения требований. Сун пришелся бороться студентами-дружками.

Он оставил фабрику и стал работать в Центральном комитете шанхайского комсомола.

Когда на улицах Шанхая зачалась первая революционная бой, а Чанге и Путуе успешно формировались отряды Красной гвардии, комсомол составил бригаду рабочих молодежи к революционной присяге. Каждый рабочий дом превращался в крепость. Организуются боевые студенческие дружины. Студенты-комсомольцы взяли работу в руках восставших рабочих и дрались на передовых позициях. Восставшие были почти безоружны. В Путуе у восставших было всего около двадцати революеров. Но в утро восстания подоспели захватить полосу фронта и обезоружить полностью.

После этого стало легче. У восставших уже было двести винтовок. Кантонские войска вошли в Шанхай, уже взятый повстанцами. Войска Сун Чуан-фына были изгнаны из города. Но это был только начало борьбы. Через несколько дней шанхайские улицы вновь покрывались баррикадами восставших из трудящихся. Изменившийся революция интояжный китайский Бонапарт Чан Кай-ши направил свои оружие против пролетариата.

Сун стал обучать новичков военному делу

были впервые написаны лозунги не национально, а классовой борьбы. То время партии в Шанхае была еще слаб. Комсомол стал фактически вождем пролетариата в эти дни.

30 мая 1926 г. английская контрразведка расстреляла безоружную демонстрацию рабочих. 4 убитых и 27 раненых остались на шанхайских улицах. Тысячи арестованных перешли в тюрьмы. Среди них были комсомольцы — организаторы восстания.

Еще до прихода кантонских войск шанхайский комсомол, как только всего было рабочее ядро, организует восстание. Сун с головой ушел в работу. В условиях страшной цензуризации фабричная ячейка издает газету, распространяет листовки, создает комитеты.

Сун являлся секретарем партийной ячейки. После одной из забастовок, длившейся полтора недели, во время которой рабочие покинули, избил штрейкбрехеров и частично добился выполнения требований. Сун пришелся бороться студентами-дружками. Он оставил фабрику и стал работать в Центральном комитете шанхайского комсомола.

Когда на улицах Шанхая зачалась первая революционная бой, а Чанге и Путуе успешно формировались отряды Красной гвардии, комсомол составил бригаду рабочих молодежи к революционной присяге.

Каждый рабочий дом превращался в крепость. Организуются боевые студенческие дружины. Студенты-комсомольцы взяли работу в руках восставших рабочих и дрались на передовых позициях. Восставшие были почти безоружны. В Путуе у восставших было всего около двадцати революеров. Но в утро восстания подоспели захватить полосу фронта и обезоружить полностью.

Комсомол и здесь руководил восставшим. В героические дни баррикадных боев на улице Шанхая Сун Чунге и Сун Чунфу были студентами шанхайского университета, комсомола Лию. Он видел ее и раньше в ЦК комсомола, но очень невесело расценивал ее революционные мысли.

— Этот нравится играть в революцию, на баррикадах Шанхая ни одного из них не будет, — так одре Сун вешал на стену свой рисунок студентско-комсомольном.

И он был прав. Многие из них оказались пустыми франшизы и перед ним на сторону был Кай-ши. И сейчас, в атмосфере массовой ненависти и предательства, Суну было приятно сознавать, что он общился с революционером Лию. Сун и Лию ни один былись рядом, оставшая один участок. У них было одно винтовка на двоих, захваченная еще в последние часы до прихода кантонских войск. Патроны у них были достаточно, но расколдовали они их крайне экономно. Приходилось существовать Лию и Сун. Лию и Сун ни один былись рядом, оставшая один участок. У них было одно винтовка на двоих, захваченная еще в последние часы до прихода кантонских войск. Патроны у них были достаточно, но расколдовали они их крайне экономно. Приходилось существовать Лию и Сун. Лию и Сун ни один былись рядом, оставшая один участок. У них было одно винтовка на двоих, захваченная еще в последние часы до прихода кантонских войск. Патроны у них были достаточно, но расколдовали они их крайне экономно. Приходилось существовать Лию и Сун.

Но борьба на этот раз была слишком неравно. Баррикады были маленькими крепостями рабочего Шанхая, и на них были направлены тысячи винтовок верных Гоминдана солдат. Тысячи комсомольцев остались лежать на улицах Шанхая. Тысячи были обезглавлены разрывными изменчивом Чан Кай-ши. Недаром он хвастался этой работой.

— Китайский комсомол больше не существует.

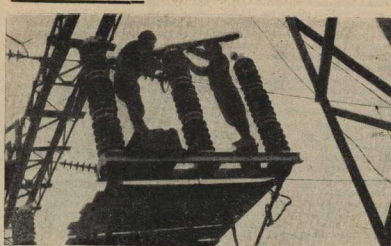
Но это была ложь! Комсомол был разгромлен, он ушел в подполье, но он был жив, жив, жив — но был тесно и органически связан с рабочими массами Шанхая. Комсомол продолжал работать в условиях постоянной цензуризации в окружении постоянного преследования. Приход гоминдиановских войск привнес панику и раскол в среду пролетариата Шанхая. Шанхайские рабочие требовали восстановления всехобщих благ и реформ Чан Кай-ши еще некоторые время улаживало обманывать. Знаменитая часть пролетариата в комсомольцами была слезка. Их выдавали часто ввержение ее соратники. Товарищи Сун, Ли и Цай, пали на баррикадах. Студент Ку и другие Лиан были арестованы.

Сун был потрясен разгромом, предательством некоторых своих товарищей и смертью Лиана. В Шанхае ему оставалось было мало. Его знал весь рабочий Шанхай, в котором теперь было много предателей. Он пробавлялся Чанге и Суну, но Чанге и Суну не было никакой организации, Кантояская ор-

Путь с матерью домой с детства был пыткой для Сун

ВАРИШ БИЛЪТЪ

Устанавливают раз'единители

ганизация посылает Суну делегатом в Москву на конгресс КИМ.

В Москве Суну пробыл два года. Он узнал в Коммунистическом университете народностей Востока и готовил себе для той большой работы, которую ему поручил КИМ.

Вернувшись в Китай, Сун вновь появляется в Шанхае. Здесь, пользуясь своими старыми связями, он рассчитывает вывести задание КИМ: провозвести верстку комсомольцев и беспартийной рабочей молодежи в ряды советской Красной армии. Полупартизанская, в большинстве крестьянская, асориция кулакским элементом Молодая гвардия — основной резерв советской Красной армии — была ее очень твердой опорой. Работы в Китае. Необходимо было обработать эту организацию, обеспечить в ней пролетарское централизованное руководство. Таково решение последнего конгресса КИМ.

Шанхайский комсомол, загангивший в подполье, вел напряженную работу. Политическая ситуация за два года сильно изменилась. Оспаривая широкие реформы со стороны Чан Кай-ши остались разумеется лишь обещания. Полупартизан становился под знамена компартии.

Выросший и возмужавший Сун, оживший в европейское платье, внешне за два года очень изменился. Его не сразу узнавали даже товарищи. И тем не менее он ловил на себе подозрительные взгляды японских и часто за своей спиной слышал провожающие шаги шпионов.

У тебя слишком «московский» вид, так ты сразу замечателься, — сказал ему один из членов ЦК китайского комсомола. Не раз бывавший в России. У шпионов, у этих гонимых собак — особый шик.

Сун понял, в чем дело. Годы пребывания в свободной стране не могли не надолбить своего отпечатка. Плечи Суну разогнулись, взгляд стал прямым и независимым, походка твердая и уверенная. Он внимательно приглядывался к китайским товарищам и пожимал плечами держась иначе: — «Здесь ты не хозяин жизни.

— Но, норт, как это испаритно и как я уже отыкал от этого?»

В Шанхае товарищи встречали Суну одним и тем же приветствием.

— Ты живешь еще, Сун?

На думал сначала, что это относится только к нему, потому что, не отсутствовал два года, но вскоре

убеждался, что так приветствовали друг друга даже встречившиеся недавно бывки. Так встретились был терьер Чан Кай-ши.

В Шанхае Сун узнал, что Ку был обезглавлен, а Лиан уже свободен. Но держится она очень слабо: связи с организацией не налажены, но появляется довольно редко, держится как-то неуверенно и, говорит, вышла замуж за какого-то гоминдановского чиновника. Провал и арест ответственных работников крупнейшей в Шанхае фабричной ячейки комсомола, именованной в своем распоряжении «стеклограф» для печатания листовок, связывают с посещением Лиан незадолго до того.

Товарищи по баррикадам трудно найти в Шанхае. Суну стало невозможно грустно. Он вспоминал Москву, Белоурское-Балтийский вокзал и провожающих его товарищей. Помнил, как дрогнул и полаял поезда и товарищи весело крикнули: «Ну, до свидания, Сун, дай нам революцию и приезжай кончать университет!» И Сун весело крикнул в ответ, размахивая бодрой уверенностью провожающих товарищей: «До свидания, до свидания, надеюсь — до очень скорого».

А здесь, в Шанхае, этот последний вопрос:

— Ты жив еще?

Лиан — предательница. Но неужели он испытает трудность? Сун даже покраснел от досады. Нет, конечно нет!

И когда через несколько дней он такком провозился в советские районы Китая, раскопанным полям хлопика и риса, питаясь земляными орехами, сладким картофелем и макаронами, он знал, что такими же путем разными тропинками и в разное время из Шанхая вылетало около тысячи рабочей молодежи, среди которой — цюювонна комсомольцев. Устроив себе привал на скалистом берегу реки, он вспоминал, как охотой рабочие отдавали свои последние копейки на Красную армию. В одном Шанхае организация избрала по конкурсу свыше тысячи китайских долларов.

На большом сером камне, отколовшемся от скалистого берега, в воде стелился боковой пингвин. Он арчал, свирял голову в шипящие волны.

В привале бурной радости Сун бросил в него короткий мажандина и, вспоминая проводы на московском вокзале, весело крикнул:

— По-скорого, но очень скорого, дорогие товарищи!

Мы расскажем о «Ботте», городе подпольной коммунистической борьбы италийского происхождения. Его настоящее имя Пьетро Сакка. «Ботте» — это подпольная кличка, данная ему за энергию, за быстроту исполнения партийных поручений.

Пьетро Сакка родом из Пьемонта, горной области на севере Италии, близ французской границы. Здесь, в горах, раскинулись италийские сады, пасбики, описанные в течение нескольких столетий тысячами писателей и живописцев, посещающих эти места. Но каждый новый лес на все кладет свой отпечаток, и вот в старинных италийских деревнях, местечках и горных городках Пьемонта выросли фабрики и заводы. Города превратились в промышленные центры.

Таким именно центром является небольшой городок Бизалла в Пьемонте, ставший в течение нескольких лет самым важным центром жизни из основных текстильных центров.

Не только в самом Бизалла, но и по всему округу его распалены десятки мелких текстильных предприятий по селам и местечкам. Жители этих местечек работают на фабриках, не отрываясь в то же время от сельского хозяйства. Чаше всего на фабрике работают один-два чуждых крестьянских семьи. Но понемногу, с расширением промышленности, приходят сюда из других мест и чистые пролетарии, семья в поселках фабрик, снимают комнаты в крестьянских хижарках. Жизнь таких местечек — двойная — являть. Здесь одновременно существует две культуры. Одна живуча, вынослива и густо гурты овец, коз, коров и испашивая весь год, в горбатых долинах, хлебные поля выводит на работу по солнцу, ловя выгоды из каждого дождя. Другая расчерчивает свою являть мерными отрезками фабричных гудков, прислушиваясь к гудку веретен и чуткому року ткацких машинок.

Окивало Супериора — это городок в окрестностях Бизалла, расположенный на высоте полутора километров над уровнем моря.

Здесь, в горах, стоит когда-то суровой тюремный замок. Это было давно, столетья назад, чтобы быть еще в те времена, когда феодальные рыцари в розовых шардах над крестьянством, собирая с него дань для лиричества и роскошных охот и бросая в нищотных в суровые заросли приковывая их цепями к холодным каменным стенам, где уныли целыми десятилетиями томиться, пока медленная смерть не прекращала их мучку.

В Окинило расположены четыре текстильные фабрики, принадлежащие заводу и лесопилке. Жители Окинило, не оставив своего сельского хозяйства, работают на этих предприятиях.

В этом городишке, в рабочей семье родился творец Ботте.

Отец его, старик Сакка, тоже родился в Окинило и работал на лесопильном заводе. Каждое утро уходил он по тонкому голосистому гудку лесовладельца, чтобы обметать ошники, потом — отосканивать расплесканный лес от рамы, а много позже, когда возвратился в деревню, он снова ходил на тот же завод, чтобы зарыть бревна

в острые зубья пил, слушающих вверх и вниз внутри кренной чулки турбиниста. В это время, т. е. в рабочем самый высокий квалификацию в своей специальности. И неумудрено — эта квалификация давала ему единственный трудом с 9-летнего возраста.

Сакка не имел своего дома и сельского хозяйства. Это была нищая рабочая семья. Мать Сакка работала здесь же, на текстильной фабрике, и еще в детстве, в раннем утра, по звуку другого гудка, более густого и басистого, чем гудок лесоводки, но такого же настоятельного в своем трехкратном призыве к последнему труду.

Пьетро был старшим сыном в семье Сакка и самым гордым поповник появиться на свет. Когда ему исполнилось всего два года, отец должен был отправиться на военную службу, а в это время его брат уже заявил о скором своем рождении. Куда было деваться молодой матери с двумя ребятами?

На помощь пришла девушка Роза, служившая в Бизалла уборщицей и королевской прокуратуре; она взяла себе Пьетро и Гастела у себя, изредка в выходные дни работая на фабрике, воспитывая по-своему. Ребенок католичка, ханка, несколько лет перед тем мещанства о замужестве, она вышла за законной эти невесты, ответившие мечта, и единственно сладостным жельем ее теперь было поехать в Рим и познакомиться с папой. В ее комнате, похожей на келью, висело много смешанных запахом добродетель, укусы и ладана. Перед Розой, она вставила картинками на обоях, которыми она сама делала стены, всегда горела лампа.

Роза начала воспитывать Пьетро с того, что обучила его молитвам, а когда он подрос, она стала его через проруху место в католической церковной семинарии, надеясь, что, когда ее воспитанник подрастет, он станет приличным прелатом, епископом и, как знает, может быть даже — кардиналом. Тогда-то и отец Пьетро кончился сходить в Рим.

Научившись грамоте, Пьетро буквально прыгнул в странники кино. Однако, вместо торча в комнате за являгой, будущий епископ начал бегать и шептаться.

Учитель был довольно мальчишеским, но школьником казался, что это добром не кончится, что Пьетро должен уехать на все каковы в деревню и посвятить их не только, а отдался в детским играм, какини надеждит заниматься мальчику его лет.

И вот Пьетро снова попадает на целые два месяца в Окинило, в дом родителей, чтобы пожениться и работать, он — на текстильной фабрике, он — неизменно на лесопильном.

Длинные ушачи летятся по горе и по долине, словно облака, сметая на горизонте. По вечерам, когда смолкают заводские гудки, но уличные гонимые козы и овцы с лесными сыновьями и пингвинами, то тонким и протяжным.

Поздно вечером по улице звенят струны маюланды и слышно нежное воркование улитки сидит чинные стаями и дождя на текстильные уголки труб. Ребята гонятся

В нацистических странах...

...полицейя...

...не Брегут...

...никими средствами...

в борьбе с рабочими

ли против него никаких улик и, следовательно, никаких доказательств. Теперь он был секретарем общегородской организации комсомола в Биззла. Так было до 1923 г.

В 1923 г. в Милане был арестован весь состав бюро ЦК итальянского комсомола и организован судебный процесс ЦК. Наказанные судья «оформили» работавших за границей организаторов, представив отсутствие руководства.

Петро взвешал все и, так же как в первый раз он отказался от оказания раб. работы в Биззла так он теперь оставил Биззла и выехал в Мидан, чтобы организовать новый ЦК. Ритка по нитке собрал он в один уезд растерянных рабочих, наконец собрал их и стал во главе руководства комсомольским движением в Италии.

Теперь уже десятки таких центров, как Биззла, работали под его руководством.

Петро был чрезвычайно сообразителен и изобретателен в подпольных ухищрах.

Когда была закрыта полицией газета ЦК комсомола «Авангард», Ботта дал мысль организовать «галлео галлео» комсомола под прикрытием литературно-художественной вывески.

Он был совершенно неслезливым в выдумках, когда следовало надеть подпольную связь с заключенными, когда надо было переписать письмо через границу и даже подкупить оружие.

По выходе из тюрьмы члены ЦК комсомола Ботта несколько разгулялись и только тут вспоминали, что он был доподлинно связан с итальянскими рабочими, не имея не находил. Ожидая, вернувшись с инициативой, он увидел, как к нему в квартиру входит французский рабочий Ботта уехал во Францию. Это был уже 1924 год.

Во Франции Ботта попал на работу на стекольный завод. Он установил связи с французскими коммунистами и комсомольцами, стал работать по организации комсомола на своем заводе, однако затем в это время итальянский ЦК комсомола потребовал его возвращения. Ботта был нужен в Милане. Он возвращался и точнее же был послан делегатом на IV конгресс КИМ.

В 1925 г. Ботта работает в секретариате итальянского ЦК комсомола. Он ведет подпольную связь провинциальными организациями, сидит по всей Италии с чемоданом, начиненным оружием, патронами, литературой.

Летом 1925 г. в Триесте на вокзале Ботта схватили жандармы. С ним был огромный чемодан, довершая латвий подпольной коммунистической военной газетой «Каэриа».

Крепко вступивши обними руками, Ботта стрихнул с себя здоровых жандармов, бивших инициативу боюше его ростом, бросил чемодан и помчался прочь. Проходя неодолимо останавливаясь, глядя на захваченных «парня», мчавшегося что есть духу по улицам.

— Вор! Вор! Держи ворья! — услышав позади себя крик инициативы Ботта. Он знал давно уже жандармский прием и прибавил ходу.

— Вор! — крикнули над самым его ухом, его схватили крепкая рука, и сразу целая толпа окружала его.

Ботта взглянул в лицо побиваемого его гражданина. Это был рабочий.

Я не вор коммунист... — прошептал Ботта.

Пальцы рабочего разжалси. Ботта двинулся с места.

— Стой, вор! — крикнул рослый офицер, хватя его за локоть руки. Подоспели жандармы.

Ботта судили за антиимпериалистическую пропаганду в приговоре к 9 месяцам тюрьмы.

Во время его заключения в тюрьме итальянский фашизм оверел и обнагел. В 1926 г. был издан чрезвычайный закон, направленный против всего, что стояло препятствия на пути фашизма. Даже социалисты были вынуждены уйти в подполье. Для коммунистов же, в виде особой злобности, Муссолини создал особый военный трибунал.

В 1927 году на основании чрезвычайного закона при помощи особого трибунала почти весь ЦК снова был заперт по тюрьмам. 1927 год был самым тяжелым годом для итальянского комсомола.

Выйдя из тюрьмы, Ботта почти один остался в тюрьме. В начале 1927 г. он становится секретарем комсомола Биззла. Это не было же неустойчивым Ботта, чемпионом подпольной организации, он снова достает литографический камень, пишет прокламацию, складывает ее, раздает, рассыпаясь об и разовой боей и главнокомандующий. Он не чувствует никакой работы, если эта работа нужна партии и комсомолу.

Организова подпольную типографию, в 1927 г. Ботта начинает выпускать революционный журнал «Инициатива». В нем была программа всегда делать всяческие зарисовки. На собраниях он бывало зарисует в карикатурных положениях и доклады. Издал устав ЦК. Его блокнот всегда был исчерпан легкими остроумными рисунками. Теперь он приложил эти свои способности к делу, он сам иллюстрировал свой сатирический журнал, в котором издевался над жизнью буржуазной фашистской Италии. Этот подпольный журнал он делал весь до конца и редакционно и технично.

В 1928 г. Ботта снова была делегатом от Италии на конгрессе КИМ. И здесь, на конгрессе, он был избран в члены Исполкома КИМ.

После этого, в последние годы, Ботта работал, уже одновременно руководя комсомолом Италии и связями итальянского коммунистического движения с заграницей.

Руководя работой комсомола, Ботта совместно с товарищами Лонго, Берти, Маркучи, Косита и другим, входившим в ЦК КСМ Италии, твердо взяла курс на поворот к массам, против правых и «левых» оппортунистов, борьбу на двух фронтах поддерживая генеральную линию Коминтерна и КИМ.

Борьба с оппортунистами спаяла связь делегатов. Ботта решительно и неустанно в публичных выступлениях, в партийной литературе, в шаражах, карикатурах — всеми способами.

Там, где нельзя было вступить убеждением, Ботта боролся бившими смехом. Он любит смех, любит иронию. Он никогда не унывает, не падает духом, неустойчивый товарищ Ботта.

3 апреля 1931 года он был арестован в Турине. До этого семья к нему приходили жандармы с орденом на арест и немалым утешением. Теперь выкопели его схватили и на 10 месяцев бросили в одиночку.

В начале этого года состоялся над ним суд в том самом особом военном трибунале, где судят всех коммунистов.

В темном зале особого трибунала Ботта предстал перед судьей, своры офицера, фашистской милиции и жандармов. Он вышел к

балюстраде, оперся рукой о барьер и долго глядя в лицо фашистских палачей, сказал:

— Я схвачен на посту, осуществляя свой долг коммуниста, руководителя комсомола и коммуниста, как преданный исполнитель директив Коминтерна.

— К порядку, поудумай! — крикнул председатель, заступающ его колени. — Ваш приговор не испугает меня. Мы убеждены, что партия и комсомол продолжат борьбу, стеч в глазах революционных рабочих и крестьян.

Председатель отчаянно трезвоил звонком, но Петро переричкал его.

...И бесцельно вас свергнут! — закончил он.

— Вышли его зон! — крикнул председатель. Заседание продолжалось в отсутствии подсудимого.

Неустойчивому Ботта было предьявлено столько статей обвинения, что если бы сложить все, его можно читать в течение нескольких фашистских законов, — получился бы лет семидесять каторги. Однако судья знал, что достаточно и четырех лет, чтобы в фашистском застенке, чтобы здорового, молодого, сильного человека медленно превратить в равнулю. Они приговорили Ботта Саваки к 17 годам 9 месяцев каторги. Этого достаточно.

Но он не теряет революционной бодрости, он не унывает. Он смеет и, он пишет слова в фашистском марше, присланные им брату после процесса.

«...Вчера наконец состоялся суд. Я хитро не читал статьи его, но вынужден отказаться, так как, в первую, это запрещено, во-вторых же потому, что меня откуда почти с самого начала, в том же году.

Меня приговорили к 17 годам 9 месяцев каторги, после этого — к 5 годам жандармского надзора, да еще сестра моего брата к 17 годам лири штраф!

По правде, признаю, что я разочарован и ожидаю гораздо больше. После этих семи орденов на арест, я думаю, что мне придется «преступлений» и ждал совершенно «особого» приговора от «особого» трибунала.

Одним словом, вся моя «большая» деятельность, как они выражаются, рассматривается как сплошное преступление с 1927 года до сегодняшнего дня.

По одной четвертой статье чрезвычайного закона. Эта статья наказывает 17 годами 9 месяцами, и так как это не является только к большому, то дано сколько сумел, и предложено мне удовлетвориться.

Не удивляйся жалоба на мягкость приговора. Я думаю, что, что всегда, когда идешь больше, в получаешь меньше, это несколько разочаровывает. Увы, приходится довольствоваться... жалобой!

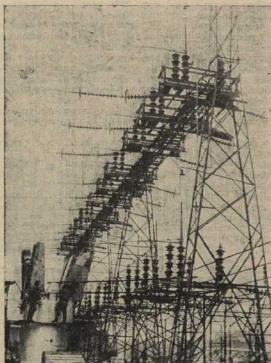
Через несколько дней Ботта отпущены в «пустешество». Куда? Это ведомо только «хозяевам». Теперь Ботта не должен, а ведь его посылает, куда хотеть, куда шлет в место содержания заточения.

Товарищ Ботта сейчас в тюрьме. Фашисты приговорили его 17 годам 9 месяцам тюремного заключения. Фашисты повсюду рассчитывают процветать еще сорок лет.

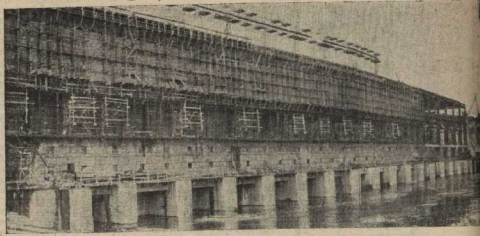
Напрасно надежда фашистов! И прав товарищ Ботта, ожидая, что «Омрок час и день, когда во сторах государства Игидли разобьют стены его тюрьмы и товарищ Ботта с прежней неустойчивостью, пылом, настоятельностью стеч в ряды, осуществятся в Италии дело Маркса, Ленина, Сталина.

О дне большевистской печати, о двадцатилетии боевой «ПРАВДЫ» — читайте в № 10 «СМЕНЫ»

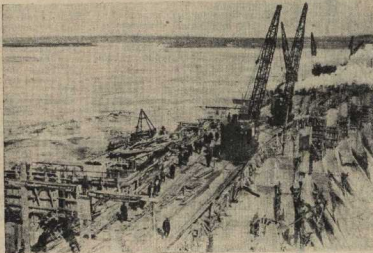
ПУТЬ ДНЕПРУ

2

4

8

1. Зстанада электромачт.
2. Общій вид плотины.
3. Монтирують электростанцию.
4. Панорама плотины.
5. Лучшие ударники Днепростроя — бригада бетонщиков плотины т. Ткаченко, награжденная Красным знаменем.
6. Ударная комсомольская бригада Диченко на стройке термического цеха.
7. Лучшая бригада бетонщиков Реманько — справа бригадирша-комсомолка т. Романько.
8. Комсомольцы-бетонщики, отдыхая, наблюдают за ревунами Днепром.
9. Вид на плотину со стороны ГЭС.

Нет больше старого Кичкаса! Бетонная дуга в 760 м длиной стянула горло Днепра. Через гробь плотины с высоты тринадцати метров низвергаются сорок восемь шумных водопадов. 28 марта 1932 г. в 5 час. 29 мин. вечера четыре лучших из лучших комсомольских бригад — Ткаченко, Ильгова, Макаренко и Романько — уложили последние кубометры бетона в пролетах между быками плотины.

Это был последний бой со стихией, последний день отступления реки перед упорной полей большевистских строителей. Зубья быков впились в русло Днепра. Горизонт воды поднимался вверх — день за днем метр за метром. И Днепр над плотинной раздвинул широким озером до самого Днепроревовска.

Свернулись под водой пороги. Исчез Бульвар Непеласецк, Ходяцкий, Сурский, Лоханский, Вольный. Ни что не выдает на тихой поверхности страшных каменных заборов, скал, островов и острей, круши-

3. ТУИЦКИЙ

ных суда запорожцев на историческом пути «из варяги в греки». Вместе с крышами, крыльчачками, сараями ушли под воду восточные дощипки села Кичкаса, заселенные полтора века назад русским самодержавием на землях бывших «запорожских войскоостей». Там, где недавно бегали поселки, кончились стрелы кранов, где был высокий берег реки, теперь спокойный омут аванкамеры. Там собрана вода для турбин ГЭС и высокие железные мачты с натянутой сетью проводов гадятся в спокойное зеркало, не нарушаемое рыбно течением.

А слева и справа на крутых берегах над затопленным Кичкасом раскинулась многоостровный, многотысячный социалистический город. На широких простенках, среди каменных корпусов продолжены рель-

сы, и вот-вот заживет первые трамваи. По правому берегу уходит вдали опора высоковольтной сети передач, выстроенной в очередь за током для заводов Днепроревовска. А через остров Хортину, над бывшей Запорожской Сельцо, над Старым и Новым протоками Днепра, на величайших в Европе семидесятиметровых ажурных башнях переброшены провода, несущие энергию Дюбассу. На левом берегу горизонт изломан паркушками домен, каулеров, трубами Коксохима и мартеновских печей, бетонными башнями корпусов заводов — алюминийного, ферросплавного, ремонтно-механического, инструментальной стали.

Помытому выдрагуют оконные стекла в новых домах, для и нечистоты разлетятся осколками кирпича и

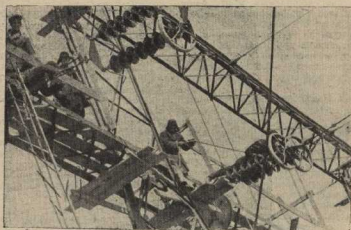
скалы. Переключаются паровая скрепяются стрелы кранов и дерюжки. Идет к концу великая стройка, начертанная генеральным планом ГОЭЛРО.

Наде Ельничкой пришлось еслониться на левом берегу, не дойдя до воды. Дальше не пускали красного флага столя человек через каждую минуту два раза ударил в колокол. Надя отпустилась в крог. Она увидела грабей с лопатами, тачками, несколько мильных белых хаток на берегу и в воду на воде — людей, скользящих квадратные клетчатые боты, поплавок на колодезные срубы. Вар колодок завозила непрерывно, люди побежали прятаться. Прото по запад ровок. Нетутило море. Через несколько секунд на

Мы по
810 тыс
энергии
величайш
в мире

ГОЛУБАЯ

УКАЗАНИЯ НОВЫЙ

учаем на Днепре лошадиных сил помощью девяти и единственных турбогенераторов

КАРТИНА

Э. ПОЛЯКОВА

местом взрыва встал желтый столб дыма, смешанного с гранитом. Было воскресенье и на правом берегу, в Киевске, тоже зловонный колодезь. В первый раз увидела Нада Днепрострой в начале марта 1928 г. На строительстве кластывала геологов. Луга плотина была обрамленной линией, незримо протянутой над водой от берега к берегу через ишалы и большой остров. Белеватские класты-ряжи, срубленные плотинами и расставленные по обеим сторонам этой линии до острова, засыпались камнями и опускались на дно. Росли перемычки, отгородившие котлован в левом протоке. Когда насосы откачали воду и обвалились валуны на дне реки, когда начали выемку «жестким»,

добираясь до здорового гранита без трещин—основания будущей плотины,—Нада, которишня управленца строительства, вторично увидела Днепрострой. Это была огромная голубая картина в зале заседания. Проходила мимо, Нада каждый раз останавливалась перед скачочным лифтом, нарисованным на полотне. Далекой мечтой казалась ей голубая река, шахматные линии поселков, гребенка плотины, ступени плетозы и спускающаяся коробка электростанции. Закончив подшивку бумаг, Нада часто уходила на перемычку, смотрела на людей, чистивших стальными щетками скалу на дне реки и изгнанных в скажины цемент. Она пробовала вообразить себе, как из этих скал вырастет плотина. Это было незлкое дело.

Но приходили тысячи составов с материалами и машинами, на перростанции Александровск выходили десятки тысяч рабочих. Они принимались за эти материалы и механизмы, строили поселки, бетонные заводы, вспомогательные мастерские, прокладывали электрические кабели, опутывали перемычки трубами, включали моторы, бурили и взрывали скалы. Приходили металлисты Ленинграда и Москвы, рудокопы Урала, шахтеры Довбасса, крестьяне из соломенных хат Украины. В этой огромной массе людей растворены были будущие ударники, будущие герои мировых рекордов, будущие герои большинства ских темпов. Партия и комсомол направляли эту армию на арене великой схватки со стихией, и из нее вырастали вожди социалистическо-

го соревнования, каждый отстоявшийся на свое место у кирки и лопаты, крана, ларовоза, деррика. Душой о голубой картине, комсомолма Нада искала и для себя точку приложения сил. Потому что слишком обидно было строить Днепрострой, подшивая в канцелярии бумажки...

Вскоре на Днепре появилась новое вещество, ставшее центральной фигурой строительства. От бетонных заводов начали стходить составы с бадьями. На перемычке их подхватывали руки дерриков, бережно опускали в котлован на дно реки. И это новое вещество—зеленоватая масса первого бетона—утаптывалось в фундамент плотины. В это время Нада в третий раз увидела Днепрострой. Профессор Александров, Иван Гаврилович, читал для комсомольцев лекцию в красном уголке второго поселка. На полотне экрана перед Надей раскрылась бетонная

3

5

6

7

9

проборка будущей ГЭС (а на ГЭС у правого берега были пока только котлован и первый ярус бетона). Она увидела девять больших электрических машин по 50 тысяч лошадиных сил, враждебных мощными турбинами. Профессор разбирал на рисунках эти машины, которые он назвал генераторами, показав внутреннюю вращающуюся часть—ротор, и наружную неподвижную часть—статор, в обмотках которой будет рождаться электрический ток.

С того дня Надя, проходя мимо голубой картины, видела уже не только ому. Она видела и мечтала об электричестве, об изумительных машинах. Но они были далеко, их огромные детали еще изготавливались, ковались, распиливались, сверлились в Америке, на заводах «Дженерал Электрик Компани». Советские заводы тогда не умели еще строить таких машин.

Надя мечтала об электричестве. Путь к нему шел через сотни тысяч кубометров скалы и бетона.

Изда перемычки левого берега показались первые пятиэтажные бычковые плотины. 11 сентября 1929 г. на левом берегу вспыхнула электрическая звезда—свидетель победы социалистического соревнования, свидетель перевыполнения плана бетонной закладки. Этот месяц был посвящен славе днепропетровских топан. Рабочие-строители под руководством партийной организации выработали встречный план, пустить первые пять агрегатов в мае 1932 г. на восемьдесят процентном сроке.

А 22 января 1930 г., после разбора перемычки левого берега, весь мир облетела телеграмма о том, что Днепр повернул влево! Полюбили самый трудный, решающий этап строительства на среднем притоке. В этом году Надя впервые вместе с тысячами энтузиастов, выходящих на штурм пролива, увидела струю со дна котлована, выходящую тысячу трудовых огней рабочие, инженеры, комсомольцы, служащие Днепропетров на суботничьи в средние праздники. Среди сотен комсомольцев, по колено в воде, работала и Надя, выносила скалу, подготавливая фронт для бетона.

Делегация индийских забвоников приехала на Днепропетров

Вместе 1 сентября котлован был снят 2 августа. Тогда началась массовая бетонировка, перед которой победил продолжение рекорда. Завезли на обоих берегах гребели, не угасли. И новую победу, несомненно в истории мировой техники, одержали болельщики Днепропетров мощными методом социалистического соревнования. Бетонный план в 500 тысяч кубометров бетона был перевыполнен на 18 тысяч.

Надя больше не возвращалась в котлован. Она работала в бригаде бетонщиков комсомольского буксира на ГЭС. Перекидывая бетоны в бочках всасывающих труб, на перекрестках, монтажной площадке,

Сна улитках и в крутых шахтах гнездах будущих турбин, надя огибала мечтала об электричестве. Она видела уже в этом хаосе орудия и арматуры сталились тела машин, которых нет на голубой картине, но о которых рассказывал профессор Александров. И по окончании бетонных дней 1930 года, когда выдвинулись на оплывшие все соросе девять быков плотина и стесненные Днепр шумел в пролетах. Надя слышала еще один шаг навстречу электричеству. Комсомольский батальон уходила с ГЭС на учебу, готовясь к монтажу турбин лавины бетонных дней 1930 года. Комсомол посылал на курсы электромонтеров.

Прошлой весной, после паводка, дерник у пристани выжугал с пароводов огромные аккумуляемые иши-

Идут последние работы на шлюзе Днепропетров. Началось бетонирование. Скоро по шлюзам поднимутся суда на Черного моря

ка с назидкой «Нью-Йорк—Кингс». Надя в электротехнической мастерской, пробуя свои силы на обмотке мелких моторов, тнулася мыслями к содержимому этих заокеанских ящиков. На кружаках, в сонниках, на оксидных расквашивал о том, что каждая турбина Днепра больше всего Волховской. Что величавые в мире американские гидротурбины—Натаракал и Вильсоновская—дают мощность 430 и 612 тысяч лошадиных сил, а Днепропетров может давать 810 тысяч. Что самый большой турбин в Америке имеет мощность в 544 тысячи лошадиных сил, а каждая днепропетровская—30 тысяч. Что фирма «Дженерал Электрик Компани» не угасает хвастаться в рекламных турбин и генераторами.

Но американцы забывали сказать в своих рекламках лишь о том, что подобных турбин никто не может сделать и использовать на пяти тысячах километров стальной трубы и разлагается дряхлеющий капиталистический мир, что только на одной шестой земли, в стране Ленина, роковой победы, нужны такие машины и понадобятся еще сотни.

На монтажной площадке ГЭС мощные краны уже извлекали шпихов стальной детали. Надя бегала по мастерской смотреть, как появлялись то лакированные, то черные, красивые или алюминиевые колеса, лопатки, секции, диски, валы, обмотки, порожившие своими размерами.

Комсомольская бригада Попова смонтировала первую турбину, и над ней установили секции первого статора. Бурти образовался огромный зал более десяти метров в диаметре. В этом зале должен «свалориться» вокруг стальной оси со скоростью 83 оборотов в минуту ротор-великан. Монтаж этого 430-тонного «шпица» начала та же комсомольская бригада Попова.

Предстоял еще ответственный процесс соединения электрической обмотки секции-статора. Мистера Томсона, Давидсон и Миллер, пред-

ставители американской консултации на Днепропетров, не желали доверить эту важную операцию нашим рабочим и требовали вывоза высококалорифицированных монтажников из Америки. Это сыграло пух аргумента к 1 мая. С требованиими американцев руководители Днепропетров не согласились. И в статор поехали лучшие электроинженеры-американцы—бригадир Рабинчик и командир бригады—Манд и не случилось никогда, что она вождет хозяйство в этот круглый металлический закат.

Две недели сразу стала она хозяйкой. В первый день мистера огордиле ее высокомерно с ног до головы и дали задание—ничего не делать. Только на третий день решение ей прикоснулось к обмотке. Надия пылала начала осторожнеребировать медные нити генератора. Рабинчик слышал ктыры, накладывая изолирующий бит на оголенные стеления. Здесь все должно быть ровно и точно. Малейшая неточность—нарушат когда-нибудь пухые машины, останут шахты Донбасса, залома Днепропетровината и Днепропетровината. Надя чувствовала ответственность перед всей страной за каждое движение своей руки. И оттого ловко работала ее пальцы, и самым трудным американцы не могли найти изъянов в ее работе. Мистер Томсон внезапно размотал уже готовые секции, но чиего оборотов оказывались правильными, свои жажали друг на друга точно, по инструкциям.

Между быками плотини поднималась уже горбатые миссии бетоны, преграждая путь реке. Комсомол бросал штурмовую батальон на захвате гребенки. Бода яростно сопротивлялась. Питидеститонные чунки бетона давалинаи шты-шавандора в воду между быками. Левая вода просочивалась, выла из шпидора и заливала склоны. Бетонники работали под захватной тридцати пяти насосов, впертой выбрасывались приближающую за штыми.

В ноябре появилась еще один враг—ветер. Плотина обледенела, журач-ветер носился по веру, грозы сбросить смальчакон, пробивравших по скользким мосткам. Американцы доказывали, что зимой закрывать гребенку—безумие. Температуры воздуха опускались до —25 градусов. А бетон нельзя класть ниже пяти градусов тепла. Большие решили, несмотря природу и традиционные техники, класть бетон зимой. Пробуры оказались за выломные декабрьского плана даже в восемь тысяч кубометров.

Рабочие, коммунисты, комсомольцы, инженеры начали сложнейшие технические маневры. Против зимы были мобилизованы все средства обороны. Бетон замешивался горячий водой, галька и песок нагревались на жаровнях. На плотине сопили паровозы, подвезли вниз по шлюзам пар. Блоки накрыли брезентами, оставив отверстия для отсухания бад. Во мгле, окутанные клубами горячего пара, работали бетонщики. Вокруг них кипела как кастрюли с кипящей водой. Бетону не давали остывать ниже семи градусов тепла.

Днепр, омыло ледал вверх бетоны 8 тысяч кубометров в 1930 г. в январе и феврале—по 20 тысяч. Буксировались упорство и умение восторжествовали там, где уступала передовая американская техника.

Рабинчик с Надей работали уже по второму генератору. К ним присоединился Степа Минин. Больше никто не смог выдержать суровых

Первые земляные работы. Ездят габары. Только намечают пределы борозды величайшей стройки. Левый берег. 1928 год

Средний протон закрыт. Мосты на старом и новом Днепре закончены раньше срока. Днепр повернул влево

Первые перемычки. Опущенные ряки: Днепр стал отступать

Насканди днепропетровских вод прорываются через бетонную плотину. Днепр пошел через гребенку. Левый берег

требований высокого качества монтажа. Работы стали спориться. Но ведь это были пока только два гребенора из пяти в первой очереди! Не много времени осталось до 1 мая, и никто, кроме Рыбинца, Нади и Мазина, не мог обеспечить монтаж статоров. Замена не было, и они лабили об отходе и выходные дни, перешли на двухсменную работу. Рядом бригада Попова заканчивала монтаж второго ротора в 72 дня вместо американской нормы в 90 дней.

Сборкой третьего ротора они окончательно опаривали американцев, выполнив ее за 28 дней. Указанные листовой железом в роторе, бригада Попова вместо американских 210 листов в течение десяти часов успевала положить 1,180 листов за восемь часов, при том же числе людей. Мистером признали все же можно признать превосходство коммунистических форм труда, они приспосабливались к большинству тех задач, куда указывались примерами комсомольцев. В листовой «Прометей Дипробууд», выходящей на ГЭС два раза в сутки, замесили сразу измен ударинок имени американских монтажеров.

Из целей досрочного барака комсомольской столовой на сорок девять больше прибралась сест Шло собрание. Василий Михайлович Мазин вместе с заместителем начальника Днепроэтора, вручал новые комсомольские билеты молодым ударникам партии. Они выходили к столу и давали обязательство работать право укладке последнего кубометра бетона. Началось соревнование двадцати бригад за честь закрывать гребенки.

Работа расхолилась ночью по верхнему настилу на бортах плотин. Ветер качал фонари, и неверные тени блуждали по мосткам, коварно маскируя провалы, ямы, трубы. Падали яма речной, как и диск. Поминутно проносились составы с бетоном, паровозные краны вытаскивали клубы пара, в бортах колдовались бетоношники, прищипали бадьи.

Бригадир Ткаченко сошел по лестнице поглядеть, как работает и его протест смешная бригада. Комсомольцы разделились на две группы по три человека, а попеременно седьмой принимал бадью. Чтобы не было задержки, он каждый раз вытаскивал лопату в бетон и вешал на нее фуражку.

— Майна сюда! И такелажник без разговоров знал заранее, куда подавать бадью. За шпигами и в открытых эше пролетах свисающих бадьях Днепроэтора выдвинулись выше отметки 82. Каждый закрытый пролет повышал горизонт воды на двадцать сантиметров, она заметно прибавляла с каждым часом. И наконец в середине марта, когда осталось всего восемь открытых полупролетов и течение бунующей реки было заложено в каменные шпигаты, поднялся уровень, горизонт добрался до отметки 42,25. Сначала тоненькие струйки воды, не спеша караваном, показались на спине закрытых бетонных пролетов. И вскоре, прибавил сантиметр за сантиметром, Днепр ринулся через гребенку. За высокими шпигатами заканчивались кладки бадьях...

28 марта утром комиссия-жюри опубликовала результаты соревнования: лучшие показатели дала бригада Ткаченко, выигрывавшая план на 250 процентов. За ней шла бригада бригады Игнтова и Макаренко — 245 процентов, и бригада Жени Романько — 170. Вечером к последним двум пролетам собралась сотня удальцов смотреть, как эти бригады чинят последний кубометр. Лучшая комсомольская бетоно-

мешалка № 3 наполнила бадью. С правого берега ствол вел на комсомольском паровозе № 41 машинист Сидельников, а с левого берега пришел с бетоном комсомольский паровоз № 20, управляемый машинистом Горузлов. Лучший машинист комсомолец Толстой из бригады № 45 опустил вниз последнюю бадью, а в другой бок на комсомольском кране № 9 подал последний бетон машинист Бурбе. Минута тишины сураз, гукали взрыв паровозов и кранов, салюта взрыв скалы в карьерах возвестил окончание великой большевистской плотины, не имеющей равных в мире. Это были 45 тысяч кубометров бетона весом в 110 миллионов пудов высятся 52-метровой стеной от берега к берегу Днепра.

Над с Рыбинским монтажом и четвертый статор. Четырехугольные медные шины толщиной в руку уже вышли за наружную стую ГЭС, вырзаны в тело гравидомашин. Оттуда к изоляторам мачт спустились нити проводов, по которым будет гушет ток самого высокого напряжения в СССР — 161 тысячи вольт. Внизу за шпигатами всасывающих труб и спиральных камер (улиток) откачивали воду, чтобы перед пуском проверить лопатки турбин.

На пятнадцатом собрании бригада Рыбинцева объявила по встречному кончить четвертый статор к 9 апреля. Все минуты были подхвачены. Два ева и ева осталось совсем мало времени. В статоре, накрытом стальными панелями железным ялуком, при ярком свете ламп переликались бригады.

— Давай, давай, Рыбинцев! — Давай, давай, Рыбинцев! — Давай, давай, Рыбинцев! — Давай, давай, Рыбинцев! — Давай, давай, Рыбинцев!

7 апреля в обед Нади со своими инструментами перешакала в пятый статор, а Рыбинцев поехал за контору:

— Готово! Принимайте четвертый. Еще два дня удалось урвать из этого, казавшего, неснимаемого срочка.

Остался последний, пятый статор к 1 мая.

Вечером в одиннадцать часов Нади идет с товарищами домой правым берегом на второй пролет. Там, где четыре года назад она видела тусклые окна одиноких хаток, разлилось безграничное море электрических огней, уходящих за горизонт. Так светится Москва ночью. Горюбеньких бадьях.

Нади говорит о том, что последний четвeр генератора Днепроэтора ГЭС придет уже не с американской мачдой. Их строит в Ленинграде социалистический завод «Электросила». Нади продолжает мечтать об электричестве. Голубая картина стоит уже являю на берегах Днепра. И мечта несутся дальше — к втулку, к заводкам, цехам, где рождается экономическая независимость страны.

Нади, выросшая вместе с великими Дипробуудом, воспитанная комсомолом и партией в боях за бетон и машины, видит себя уже инженером, строящим генераторы советской мачды для электрических станций пятилетия. И эти мечты сбываются, как сбываются мечты о голубой картине, о машинах из земли профессора Александрова. Потому что это — мечты о большинствеком плане переделки страны и людей, мечты реальные, как формула алгебры. Потому что путь Нади — это путь миллионов, направляемых к бесклассовому обществу твердой рукой партии Ленина.

Б. КУШЕЛЕВ

НА ГРАНИЦЕ

(Строчкой из поэмы «Молодость цеза»)

1
 Режет ноги
 кустарник
 колкий.
 Ночь темна.
 Тпшина темна.
 Двое
 след в след
 проползают,
 как вошки,
 чуть
 слыша
 и по сторонам.
 Ночь темна.
 Тпшина темна.
 Опасность
 в тумане —
 попробуйте,
 да дыхая,
 а сесь
 одна.
 И веет кустарник дымаьем
 смерти.
 Ночь темна.
 Тпшина темна.
 Туман
 ложился,
 сушка плотнее.
 И варуг...
 Проклятье!
 Рвется туман
 и тпшина светлее!
 Рассыпался
 звонкие брызги
 звезд,
 месяц
 из облака
 вылину
 выставлял.
 Чуют
 границы
 румынской
 пост.
 Рассыпался
 громкими брызгами
 выстрелы.
 2
 Визг,
 пугль
 визг!
 В кустарнике
 рыщет
 смерть.
 Точно мешок, обвис
 на тропке
 товарищ Кальме.
 Визг,
 пугль
 визг!
 В кустарнике
 вбежала
 смерть.
 Мы безо
 всяких виз
 идем
 в СССР,
 и Кальме!
 Месяца
 звонкая
 мель
 в кустарнике
 лесов
 легла.
 Встань,
 не бадуи,
 и Кальме!
 И вымокни
 ниши
 гдаз.
 Упала,
 как пасть,
 рука.
 И закричал Василь...
 И скоро
 полтягука
 пойманый
 запросил.
 Месяц
 звенит
 на ветру!
 С кем говорить мне?
 С кем?!
 В кустарнике
 умер
 друг
 (румынская пугль
 в яске).
 Я не контра-
 бандист...
 Портной...
 я...
 работать суметь...
 Мы безо
 всяких виз
 Шан в
 СССР
 с Кальме.
 3
 Смерть
 «растгетала»
 в хаулах
 к весе.
 Падали
 трупы
 по рекам
 улий,
 и руки отца
 восьмилетнему
 мне
 старые
 протпнули.
 Вымыл
 ножницы
 солью слез,
 горечь их
 проглотил
 с дымом,
 я под динтовку отца
 произнес:
 «Только
 В ЖЕСТОКОЙ БОРЬБЕ
 бедная моя».
 Обещал
 в жалкие крохи
 лег!
 вскормили
 меня
 до отповских пощниц,
 и я — портной
 в восемнадцать лет
 и комсомолец —
 немного
 позже!
 Работы
 ножницам
 больше номн.
 Шью костюмом,
 «а сам»
 подунагий.
 Я понял отца,
 когда стал
 большим,
 из сатина
 вышивая
 флаги.

1 Болгарская монета — 1/2 копейки.

Моя первая встреча с Владимиром Ильичем за границей

Я расскажу о моей первой встрече с Владимиром Ильичем за границей. Это было в начале 1914 г., как раз перед началом империалистической войны.

В эпоху реакции нам было чрезвычайно трудно и тяжело работать. После революции началась подъем революционной борьбы. Рабочие крупнейших промышленных предприятий — Петербурга, Москвы и других городов — находились под нашим влиянием и чутко отзывались на призывы нашей прессы и партийных организаций. В это время была своя легальная пресса. Мы издавали «Звезд», затем — «Прядку», потом — «Путь правды», «Северную правду» и т. д.

Среди легальных и нелегальных рабочих организаций началось большое оживление. На все нелегальные собрания рабочие шли с исключительным интересом. Сами собрания выдвигали такие вопросы, которые, по условиям того времени, не могли обсуждаться в легальной печати и на легальных собраниях. Потребность в поддержке и руководстве рабочего движения и политических условий самодержавного строя.

Летом 1914 г. состоялось большое собрание в Павловском лесу, под Ленинградом. Оно было созвано из представителей профессиональных союзов для обсуждения доклада о положении в международном конгрессе II интернационала. Конгресс должен был собраться в Вене. Этому конгрессу придавалось очень большое значение. Большинство нарастающей опасности мировой войны.

Влияние нашей партии было тогда уже очень велико. Мы открыли в Ленинграде несколько клубов, большинство фабрик и заводов, и наиболее крупные профессиональные союзы были в наших руках и находились под нашим влиянием. Поэтому большинство делегатов, которых предлагалось послать на конгресс, было обеспечено за нашей партией.

В связи с этим ЦК партии решил пригласить к конгрессу союз за границей из наших делегатов всеобщей партийной конференции. Организация конференции была возложена на нашу фракцию в Государственной думе. Фракция состояла из шести человек. Это была очень крепкая большевистская фракция. В нее входили т. Петровский, Самойлов, Бадаев и др. Шестерка эта была тесно связана с нашим ЦК, который и руководил всей фракцией Государственной думы. Было поручено подобрать несколько товарищей, которые в свою очередь должны были подготовит к конференции все местные отделы фракции. Выполнение этой задачи фракция возложила на т. Бадаева (ныне член ЦК). Тов. Бадаев начал по этому поводу предварительные переговоры с местными фракциями, в том числе и со мной.

Я работал тогда в Петербурге в качестве председателя, а позднее — секретаря ЦК союз металлистов. Металлисты играли очень большую роль в революционном движении. По металлистам развивались все другие союзы. Металлисты выбрали председателем ассамблеи предшествовавший конгресс. Когда переговоры с т. Бадаевым были закончены, нам было предложено съездить за границу для информации ЦК о положении

Тов. А. С. Киселев — секретарь ВЦИК, старый член партии по профессии рабочий-металлист. До революции он администратор завода. В 1917 г. — секретарем петербургского союза металлистов, работал в Москве, Николаеве, Одессе, Иваново-Вознесенске и других городах, выполнял партийные поручения. Провел тюрьмы и ссылки.

в России и о состоянии дел нашей партии и для получения от ЦК соответствующих инструкций. Кроме того нам было предложено проучить безопасные места для нелегальной переписки через границу большого количества наших делегатов.

В июле я и т. Глебов-Авилов, который сейчас является директором Россельмаша, с Баттиского вокзала тронулись в путь на Варшаву. В Варшаве мы взяли железнодорожные билеты до г. Люблина, где мы должны были получить явку для дальнейшего следования. Явную квартиру Люблина мы нашли очень быстро; нас встретил студент Петербургского университета — тов. Х.

В Люблине мы пробыли около двух суток, в ожидании ответа от товарища, который проживал на границе с Австрией и который должен был выслить условия дальнейшего нашего следования. Из Люблина мы поехали по направлению к границе.

Не доезжая 5—6 км. до австрийской границы, мы сошли на месте, которое привлекло нас. Там австрийская поезда. Но с этой поезда вышла какая-то задержка: ее не оказалось на условленном месте. Это привело к некоторому замешательству и оборотило за нас внимание полиции и жандармерии, которые начали подозрительно нас оглядывать, видимо раздумывая, что это за люди и что они делают: провизит паспорта или арестовать. Из затруднительного и опасного положения мы вышли тогда крестьянином, который привел нас к нам. По нашему растерянному виду и блуждающему взгляду он догадался, что мы — те самые пассажиры, за которыми он ищет, и он подошел к нам и спросил нас:

— Вы не к такому-то едете?

— Мы быстро ответили: — Да, да.

Тогда он повел нас в ближайший переулок к оашиям, которые уже знали задержанных в орянку. Сопровождаемые подозрительными взглядами жандармерии и полиции, мы выбрались благополучно и поехали по направлению к австрийской границе.

Привык в пограничную деревню, мы подехали к дому отца одного товарища. Он выпрыгнул нас к проводнику-контрабандисту, согласившему поехать вместе нас через границу. С контрабандистом и полицией мы выбрались благополучно и поехали по направлению к австрийской границе.

Их деревни мы шли среди зеленого поля по узеньким тропинкам, и мы едва могли пройти по проселочным дорогам. По призыву нашего проводника, когда он замечал кого-либо из прохожих или проезжих, мы разбегались, скрываясь на полях, потом ветвистый и низкий дальше.

Таким путем мы добрались до соседней деревни, которая находилась от границы на расстоянии не более

200—250 шагов. Здесь проводник повел нас в какой-то сарай и предложил нам здесь подождать, пока мы не вернемся. В этом темном сарае мы просидели довольно долго. В голову у нас уже стали закрадываться сомнения: не предаст ли он нас, когда мы выйдем из сарая? Подползая, мы вернулись к нам и заявил, что мы можем идти дальше.

Было уже совсем темно. Мы вышли из сарая и прошли по полю, но неправильно к границе, несколько десятков шагов. В середине одной поляны, засевенной пшеницей, проводник предложил нам лечь. Мы лежали часа 10—12 вдали оказался отенок. Это, как потом мы узнали, был сигнал, означавший, что путь свободен. Мы направились на этот отенок.

Проходя мимо него, мы заметили, что сигнал подавал человек, который держал на веревке корову. Он чутко слыл и невольно сказал нам: «Проводник, который предложил нам нагнувшись бежать вслед за ним. Пробежав минут 10—12 по густой и мокрой от утренней росы траве, мы остановились, так как сильно запыхались и устали. После короткой передышки мы вновь побегали, а потом наш проводник предложил нам идти по следу: следов, что теперь мы — и безопаснее, так как находимся на территории Австрии.

На второй день утром мы уже были в Кракове. ЦК партии тогда находился в местечке Поронно, и мы в этот же день с вечерним поездом отравились туда. На следующий день рано утром мы уже были у Владимира Ильича.

Поронно находится в 100 км 120 км от Кракова, а от Кракова до границы бывшей царской России было около 25 км.

Владимир Ильич поселился в Поронно для того, чтобы ближе следить за всем, что происходило в России, дабы избежать столкновений с товарищами, часто приезжавшими к нему из России, и быстрее обмениваться письмами и литературой из России, где находившись в те дни наша фракция ввиду «Проклещенные» и др. Владимир Ильич не только сотрудничал в этих изданиях, но пристально следил из-за границы за ростом и развитием рабочего движения рабочих и идейно им руководил.

На квартиру Владимира Ильича мы пришли рано утром, когда все еще было темно. Утром старушка, которая, как мы узнали позже, была матерью Надежды Константиновны; через несколько минут к нам вышла Надежда Константиновна. Увидев нас, она пришла из Питера, она и чрезвычайной заботливостью и простотой стала нас расспрашивать, как мы доехали, записала нас в тетрадь, показала документы в Россию, о партийных делах и т. д.

Во время нашего разговора на соседней комнате вышел мужчина среднего роста, довольно крепкого телосложения, одетый чрезвычайно

А. С. Киселев

просто и скромно; в довольно простом пиджаке, походил на человека и жестких обмотках. Пытаясь окинуть нас взглядом, он пристально заглянул и подговорился с нами. Это был Владимир Ильич, о котором мы так много слыхали и книжками которого читывались. Надежда Константиновна тут же сообщила ему, что мы только что приехали из Питера. Тут на нас громадным всплеском вопросы о рабочем движении в Питере, в Москве, о состоянии наших сил, о организации революционного движения, о профессиональных и других организациях, которые идут за нами и т. д.

Владимир Ильич очень подробно расспрашивал нас о работе среди металлистов; он особенно интересовался ростом нашего влияния в питерском союзе металлистов и нашей практической работой по борьбе с ликвидаторами. Все его вопросы — простые и сложные — показали нам, какое значение Владимир Ильич придавал металлистам. Мнению В. И. о металлистах впоследствии оправдалось полностью. Металлисты сыграли гигантскую роль в развитии нашей партии, наших профсоюзов и в революционном движении всего рабочего класса. Металлисты были пионерами октябрьской победы. Не одна страница в истории рабочего движения будет посвящена этому передовому авангарду рабочего класса.

Нам было подан завтрак и чай, за которым мы продолжали нашу беседу. Нам удалось узнать, что скоро должны приехать к Владимиру Ильичу некоторые депутаты Государственной думы и что после их приезда откроется совещание. В связи с этим совещанием нам было предложено остаться у Владимира Ильича.

Нам предложили с доверием отдохнуть. Нам в это время стали предлагать для нас помещения где жили. Столетья же мы должны были у Владимира Ильича. Понед депутатам задержались и нам пришлось прожить в Поронно около двух дней в домике одного крестьянина, проживавшего по соседству с Владимиром Ильичем. За это время мы много наблюдали жизнь и работу Владимира Ильича.

Владимир Ильич встал очень рано. Сложил все приготовленную накануне почту в дорожную сумку, он поехал к богатому помещику и работу Владимира Ильича.

Владимир Ильич встал очень рано. Сложил все приготовленную накануне почту в дорожную сумку, он поехал к богатому помещику и работу Владимира Ильича.

Владимир Ильич встал очень рано. Сложил все приготовленную накануне почту в дорожную сумку, он поехал к богатому помещику и работу Владимира Ильича.

Англия, Швеция, Италия и других стран. Все эту почту он просматривал лично. В течение дня он успевал составить ответы на все письма, а нередко и написать руково- дящие статьи для большевист- ских газет и журналов.

Так работал вождь мирового пролетариата. Он был одновременно и политическим борцом, и организатором и писателем, и почтовым: все делал он сам и со всем справ- лялся.

Наблюдая его гигантскую работу, мы удивлялись его необычайной работоспособности, усидчивости, настойчивости, терпению и исклю- чительному упорству в труде и большой аккуратности.

В этой работе единственной его помощницей была Надежда Константиновна.

Владимир Ильич жил чрезвычайно скромно. Когда я работал в Пет- тербурге и как рабочий зарабаты- вал по 90—100 руб., я месяц, я па- тался гораздо лучше, чем наш вождь.

Владимир Ильич занимался исклю- чительно партийными делами. Книжки, которые он вел, по тен- зурным условиям того времени не имели широкого распространения. Поэтому за свои книги В. И. полу- чал очень мало. Все, что у него было, он отдавал партии. Надежда Константиновна также отдавала весь свой труд партийной работе.

Раскладывая некоторые свобод- ным временем, мы иногда предпри- нимали прогулки по окрестностям Поронина, соседины полезное с приятным. Однажды Надежда Кон- стантиновна предложила нам подняться на гору, где воздух почие и посвежее, куда обещал прийти В. И. для беседы. Мы вышли рече и уже были на горе, когда В. И. только что вышел из квартиры. Когда он заметил нас, то стал под- ниматься к нам в гору, но в какой- нибудь для такого возраста быстротой. Видно было, что он тогда обладал крепким здоровьем.

В. И. пытался много бесе- довали с В. И. о задачах, которые по поручению партии нам предстояло разрешить. Во время беседы мы ко- лумбуя предостерегающе между со- бой на конгресса и высказали пред- ложение, что в связи с войной конгресс наверное примет соответ- ствующее решение в свободной за- бастовке, проведет и другие меро- приятия, чтобы помешать надви- гавшейся войне.

В. И. пытался посмотрел на нас и ответил:

— Там сидят оппортунистиче- ские болтуны, которые ничего не де- лают.

— Наше возражение о том, что И интернационал обнимает милли- оны рабочих и что в его работе принимае участие и мы, больше- ства В. И. ответил:

— Мы там в меньшинстве, и все наши предложения проваливаются. Действительно, подтверждая правоту высказанных нами мнений, я- кобы с-д каждой страны призывал рабочих защищать буржуазия для уничтожения своих братьев по классу.

За время нашего пребывания в Поронине мы встречались с В. И. по два-три раза ежедневно. Время от времени он читал доклад Ильича, но чаще всего, давал ответы и исчер- пывающие ответы на наши вопро- сы. Беседовали мы с ним и во время обеда за столом. Его беседы всегда носили простой и непринужденный характер. Мы только тогда поняли ту исключительную привлекатель- ность, которую обладал Ильич. И только в Индии мы располагая к нему все, что с ним встречались.

В ожидании приезда товарищей на Россию мы занимались изучением партийной литературы. Это обстоя- тельство имело для нас большое значение, так как негативная ли-

ПЕТУХОВ — лучший ударник, бригадир коксовой № 1, выдвинут старшим сменным техником

тература из-за границы получалась в России неукреплено, а достать комплект центрального органа мог редкий партизан из работавших в то время в России. Мы с жадностью набросились на эту литературу, а на все возникающие у нас при че- тили вопросы, мы от В. И. получали ясные и исчерпывающие ответы.

Наконец из России приехал в Поронина член Государственной думы и член ЦК т. Петровский (ныне председа- тель ВУЦИК и ЦИК СССР). Он сообщил, что члены Государ- ственной думы в Поронине не прие- дут, так как они выедут в разные места России, другие же, в том числе и т. Бадаев, останутся в Пете- рбурге. Поэтому заседание решено было вести при наличии проживающих в Поронине членов ЦК и явивше- гося т. Петровского.

В результате заседания меня ко- пировали в члены ЦК, а каждого большевика члена Государственной думы приехали к определенному району. Например т. Петровский должен был поехать на юг России, к месту своих избирателей; нас на- правляли также по разным местам: Глебовая-Вавилова—на Украину, кажется в Киев; т. Никифоров, по- мнится намечался на Урал.

Мне было поручено съездить в Прибалтийский край, в первую оче- редь в Ригу. Одновременно с этим я имел поручение поехать в Пинск к т. Бадаеву и передать ему услов- ный адрес для переделки писем и денег на расходы по подготовке международного конгресса и пар- тийной конференции. Кроме того я имел еще специальные поруче- ния, связанные с переправой писем делегатов через границу. Общее ко- личество делегатов, поименно, опре- делиться приблизительно в 100 че- ловек.

По окончании заседания мы при- готовились к отъезду. Нам дали адрес одного товарища, который

жил в Кракове. Мы разбились на две группы.

Я поехал с товарищем, бежавшим из Сибири во Францию, а теперь перекочовавшим в Россию для пар- тийной работы. От краковского то- варища я получил паспорт на имя австрийского гражданина. Мой спутник получил паспорт француз- ского гражданина во Франции и знал французский язык. Взяв билеты до Варшавы, мы сели в поезд и двину- лись к русской границе.

Когда мы проехали несколько кило- метров, в наш вагон вошел контро- лер и стал спрашивать меня по- польски, куда я еду. Не зная поль- ского языка, я ответил ему на по- лном русском языке, что не пони- маю вопроса. Тогда он обратился ко мне на чистом русском языке (трудно было его не принять за русского) и спросил у меня пас- порт. Это меня привело в замеша- тельство. Я решил, что тут действи- тельно общи австро-русский жандар- мерия и меня наверное на границе задержат. До русской границы оставалось всего километров 5—6. Чтобы не попасть в лапы жандар- мерии, я решил дальше не ехать, а вернуться обратно в Краков и пробраться в Россию, но другой дорогой, нелегально.

Я вышел из вагона, вошел в апте- чинный козлазд, сел на двести окохо входа в буфет второго класса и стал обдумывать свое положение. Невеселые мысли бродили у меня в голове. Возвращение по своему желанию и нелегальный переход через границу были связаны с от- срочкой времени моего возвраще- ния в Россию. А это означало отпу- тить на неопределенное время под- готовку к конференции, задержать поездку делегатов за границу и в результате расстроить весь план со- зыва партийной конференции. В это время подошел поезд с русской границы на Краков. Совершенно

неожиданно контролер, который основательно напугал меня, пересел в этот поезд. После его отъезда я пересел в вагон и поехал даль- ше.

На русской границе мы, как и другие пассажиры, взяли свои багаж и отправились в поещение тамо- жни. Там у нас отобрал паспорт, приказали показать вещи и после тщательного осмотра отпустил. Паспорта вернули нам обратно. Процедура сдачи и возмущения па- сспортов оказалась несложной. Нуж- но было только не спугнуть имя и фамилию подлинного владельца паспорта и во-время ответить, когда вызывали.

После благополучного переезда через границу мы купили билеты до Варшавы и на следующий день утром были уже в Варшаве. Из Варшавы и поехал в Петербург; товарищ же французского происхо- ждения остался в Варшаве. По поручению ЦК я должен был выехать в Ригу для подготовки конференции. Но до этого, по риду поручения В. И., мне нужно было переговорить с т. Бадаевым. Для встречи с ним я отправился в редак- цию «Правды». Здесь я проследил несколько часов в ожидании товарища, который должен был дать мне явку в Ригу.

В редакции была в это время вре- мевалась из-за границы т. Ники- форов; она тоже ждала общинно- го ей адреса.

Прождали мы до 6—7 часов ве- чера и дождалась не товарища, а полицая, который нормальна и ре- лозию во главе с жандармским полковником. Имен на руках при- казы задержат всех лиц, находя- щихся в редакции «Правды», жандармский полковник объявил всех нас арестованными. Нас отправи- ли в ближайший участок. За эти арестом последовала ссылка в Си- бирь, которая надолго оторвала меня от подпольной партийной ра- боты.

НА ВАРЯХ И В МИЛитарИЗАЦИИ

Пункаре очень любит собак

по этой газете — и вы увидите, что собирается на всемирную конференцию по разоружению. Мирозасты师范大学каского ранга, атобуры самое баястие отборно. Крахмальные груди. Седоластые глаза. Идиальский стариком, твество сывьывание от неугомонных фотопереорпер свои мелкие домашние страсти: кование трынок, разведение цветов, кождение собак. Газета сообщает о том, что часо-славский генерал Гайда (знаменитый палач-интервенционист) очень любит собак, он даже подает прест в парижское общество покровительства животных против ученого, выращенного у пса обожает роза. Бриан был любящим отцом. Мыслие меньшевистской молодежной газеты не знает грани. Подумайте! Садоводы и старики собираются выпустить судья мира на конференции по разоружению.

Бедные собаки господина Пункаре! Несчастные тудики, которым вместо щенной кзши дают свиной рулет!

Любопытное мнение высказывает газета «Янг-Форд» (издается в Финляндии) Социалистический союз молодежи) о том, в чьих руках находится дело мира. Оставьте

на трези иронии и шутки — молодыми меньшевиками найдено и доказано, что миром управляют учителя и паписты. Максимально

— из миродных учителей, Ллойд-Джордж — из народных учителей, Пункаре — из апарток, Пилсудский — из учителей. Гейдос — бывший же Беще — из них же. Ксаго — бывший профессор университета, то — есть тоже учитель. Места более мелких сошек, позавантажис-ораторской арене, — тоже из учителей. И накануне самой страшной, самой уничтожающей, самой кровавой из всех войн, во главе буржуазных правительств стоят самые мирные, самые тихие люди.

Такова комедия, разгромившая меньшевиков. Газета представляет миллионы молодых рабочих и крестьянских парней, которых, по выражению того же Жореса, в ближайшем будущем ждет участь неудачного пограбленного вынуждено ужащения судьба.

Социал-демократическая молодежь гавает: «Юнкерах (не бурж)» делает неожиданное открытие: если хотите знать, конференция по разоружению не такая уж новая штука, она является изобретением некоего ополченца, чиновника в боксе русского императора Николая II. Да, да, это он, унтер на троне, уже в 1899 году задала совет и Гаусе представил советских держав и убедить их в преступности вооружения!

Самый разуданный анекдот не придают ничего более неприличного. Но меньшевистская молодежная газета не беззубет никакими анекдотами для того, чтобы похвалить Гейдоса, Бриан и Цари и президенты готовы бороться всегда и всюду за мир, по что среди них и сожаление есть по отношению к Гейдосу. Если же газета печатает лобоную сводку всех тех средств и речей, которые предлагались в Лондоне и Гаусе, то это значит, что государственными людьми капитализма для предотвращения войны.

Очень весело и шумно толкутся на конференции меньшевистские представители, предлагающие речисти счастливому образованию духа войны. Мы не говорим уже о том, что Аристиды и Гейдосы не являются советскими. Панфильт Шандлер бреси призы об обединении всех матерей в мировой союз, который должен так мучить и терзать, и терзать, по мысли Шандлера, чтобы быть способным не пустить на фронт ни одного сына. Так предлагуют лобоную сласти трудящиеся молодежь. Боксер Майнер дал репортерам сенсационное интервью: он предложил, в случае международного конфликта, собрать все президенты, президентов или премьер-министров в одно место, чтобы каждый из них революционер был издан и повешен, а все остальные, Главной чехушкой и идиотскими «обсуждениями» питают меньшевистские газеты свою члтаную молодежь. Некоторые социал-демократы в Бельгии договорились до того, что требуют передать все армии и штабы мира под контроль И интернационала. Все эти предложения и речисти не имеют одну цель — скрыть в тумане и пыли ядухых рассуждений основной факт: империалистическая буржуазия, готовя новую войну, самым темном проломит обработку молодежи в духе патриотизма и «национальной гордости».

«Взрослая» меньшевистская печать, усленно «спасая» молодежь от предстоящей войны, выдвигает об «обсуждении» того, каковы перспективы буржуазных армий. Меншевники усленно занимаются вопросом: что делается в армиях, которые будут разоружать на конференции? Они приподнят мнения различных полководцев и присоединяют к своим злым. Что же говорить о своих

«Когда в одном месте собираются много пушек, они начинают стрелять» (старый афоризм).

Под грохот пушек и взрывы бомб на Дальнем Востоке звучит гласная международных конференций по разоружению.

На протяжении 14 лет руководители международного социалистического движения молодежи говорили о мире. Но это вовсе не значит, что на протяжении 14 лет существовал мир. Вот нам скромная табличка.

С 1918 г. по 1931 г. — после Версальского мира — по всему земному шару были обложены в той или иной форме 22 войны.

За тот же срок были построены во всем мире броненосцы и крейсеры, двести тысяч дала бы общей сложности целых 19 Дневостроек.

За тот же срок за-за бесчисленного количества миллионов солдат, собранных в армии, мир потерял много миллиардов трудовых человеко-часов, т. е. не был произведена ценность на миллиарды тысяч рублей.

И, что самое любопытное, за тот же срок:

государственными деятелями капитализма (финанс не ниже вице-министра или полковника генерального штаба) было произнесено 312 перекрестных речей о преступности войны.

Самые воинственные люди буржуазии произносят самые миролюбивые речи именно сейчас, когда события на Дальнем Востоке грозят разорваться в новую мировую войну. И именно сейчас, когда развалины Чаяе — это, может быть, только начало, когда в далеких степных границах Советского союза империалистические авантюристы в дружеском союзе с белогвардейцами отрядами готовят нападение на нас — именно в этот момент наиболее миролюбивый социал-фашист.

В этом поспоре (будет ли война) больше всех и глубже всех авантюристы молодые рабочие и крестьянские парни всего мира. Вырванные словами «главного» Жана Жореса, «всех, кому от 17 до 26 лет», следите за миролюбивыми шагами человекоубийц!

Винующий империализм готовит сотни миллионов молодых людей всех наций, всех материков, всех рас на новое кровавое взаимостребление.

Ему приходится производить огромную работу по патристическому «воспитанию» трудящихся молодежи, по подготовке кадров для новых войн. В этой работе главнейшей его опорой является международная социал-демократия, в частности ее филиал — социалистический союз молодежи.

Социал-демократический интернационал молодежи истерически призывает рабочую молодежь всего мира к великой борьбе против войны, к пасивному сопротивлению войне и к инициативам, к действиям протестом против преступлений мажоритов из генеральных штабов. Основной руководящий тезис, на который обруживается все шествие и ярость руководителей СИМ, это: «Капиталистическая

система порождает войну, не способна уничтожить войну, не разрушая капитализма. На протяжении многих лет СИМ ведет кампанию по реабилитации капитализма, по реабилитации системы массовых грабжей и массовых кровопролитий. Молодые социал-фашисты хотят дать рабочую молодежь в том, кто активно бороться против войны не надо, что молодежь и сами понимают, что они ей сами не хотели бы».

По их мнению капитализм — это милое невинное дитя, которое испорчено нехорошими устоями дикого и шлохого «счастия повет капитализм» — вот установка СИМ.

По мнению молодых меньшевиков, капитализм и милитаризм — две разные вещи. В войне повинны не которые злые люди, «некоторые алчные крыты», поэтому — да заравствуют симпатичные, добрые, челоколюбивые люди у кормила правления!

Рупор Социалистического интернационала молодежи — его пресса. Через специальные органы молодежи по «взрослым» меньшевистским газетам он также проводит свою «воспитательную антиимпериалистическую» работу. Что же может сказать эта пресса вербальной генерализации, ослепленной слепотой молодежи в грозный момент, когда горады озарен первыми взрывами и проблесками новой мировой войны?

Японский видный социал-демократический деятель Ямамото, руководитель молодежных организаций г. Осака, писал недавно в советской молодежной газете «Сасати»:

«Сны Японии храбро поведут против войны в Японии и в далекие страны мира. Наша молодежь, хотя бы и отдаваясь благородным социалистическим доктринам, знает, что главным является, несмотря ни на что, беззастенчивая служба родины и ее вождю Солуну. Пока судьба мира находится в руках японского юноши мир бесспорно принадлежит Японии».

По мнению этого «марксиста», судьба мира находится вовсе не в руках адмиралов, министров, банкиров, а в руках японского юноши!

Меньшевистская газета «Абедн»

Профессор Смиэльев авторитетно разъясняет. — Боязнь гавать — это признак трусости профанов

во Франкфурте — на Майне, рассказанная на молодого читателя, пишет о людях, в руках которых находится судьба мира. Посмотрите

армия полководца? Напох, парад, гранит и гранитные когда-то полководцы, собиравшие на Марне и Ипре миллионы крепких юншей и перерабатывавшие их в кости и черепа.

Генерал Секст в Германии ввше предложение о реконструкции армии, которая, с одной стороны, «спасает положение», а с другой стороны, показывает, что «вооруженные наши лет и в истории человечества не было, а есть и были вооруженные господствующие классы». Старый Секст, накопивший много горючего опыта по времени удешевления немешовой революции 1923 г., предлагает создать две совершенно отдельных армии: одну — профессиональную, а другую — народную, потому что, говорит он, «массовая армия, место скопления огромных масс молодежи, всегда ведя самую опасность».

Как же относятся к жалобам генерала Секста меньшевики? Они ему прямо существуют. В меньшевистской газете «Форд» мы читаем: «Генерал Секст со свойственной ему любовью к отечеству заботится о себе, которая будет защищать от нашествий из-за нас наши фабрики и заводы. Рабочая молодежь не может враждебно относиться к этим проблемам, над которыми думают лучшие наши умы». Спасать армию от молодежи, спасать вооруженную силу от народа — вот какая тема накануне конференции по разоружению должна быть поставлена на папак и стать главной темой. Это вопрос огромного международного значения. Враную генералу Сексту надо вывести из форты побольше людей, но он же знает, что чем многочисленней будет толпа на фортах, тем ближе шансы на то, что генералу свернут шею. Поэтому-то и существуют генералу меньшевики.

Меньшевистские журналы с большим удовольствием и отовдле не враждебно цитируют самые ничтожные самые варварские, самые людоедские высказывания о войне тех ученых, которые давно находятся в наине у милитаризма. Ученые часто пишут на тему о том, как должна молодежь относиться к армии и к ее средствам обора.

«Доктор Милас в журнале «Военный инженер» пишет: «Молодежь с отвращением относится к проблеме газовой войны. Но о том, что газ—гуманизней».

Первым разоруженцем был, оказывается, Николай II

ше из гуманизнейших средств войны, говорит цифры: от нового газа только процент остается в живых, ранных—попроцент».

Профессор Симельс, англичанин, пишет: «Каждое новое оружие войны, как например в свое время пушки, всегда рассматривается как вреднейший жестоков. Боевые газы—это признак трусости профанов».

Молодые рабочие, одетые в шинели и посаженные на солдатские конисы! Не будите профанов! Чем смертельней будут явны от япра на ваших разделенных костях, тем лестней о вашем моральном уровне будет отзываться профессор Симельс!

Коллеги профессора Симельса из редакци журнала «Химическое и металлургическое дело» также обуждают вопрос о том, как засаудить молодежь «поверить в газы». Они пишут:

«Революции конференции по разоружению — о запрещении газо-

вой войны не могут быть приняты всерьез, потому что никто не в силах воспрепятствовать применению удушающих газов».

А ниже приводится еще такая заметка:

«Морское министерство находит, что действительно ценные данные о действии боевых газов можно получить лишь после проб их на молодых людях. Сосредоточиваются хорошие молодые люди, которые для блага наши согласились подвергнуться действию боевых газов, и получают не только личные неприятности, но и серьезные страдания, а в некоторых случаях и серьезные повреждения».

Как ко всему этому материалу, иллюстрирующему миролюбивость генеральных штабов, относятся так называемые социалистические организации молодежи, жалкая «смена» старых адвокатов из II интернационала? Если у них и есть какая-нибудь забота, то это только забота о том, как бы помочь генералам и маршалам.

В меньшевистской молодежьей газете «Фордистс» мы находим такое объяснение:

«Вружация создает жестокие средства истребления, но задача молодежи не разрушать средства не относиться к ним враждебно, а постараться переубедить начальников иначе применить эти средства».

Попробуйте убедить этих миролюбивцев! Такие советы молодежи рабочего класса могут давать «любо глупцы, либо негодяи» (Горький).

Активисты II интернационала даялм-дому часто несут вахтужабу по международным околоткам Западной Европы. В день 1 мая не один политический комиссар, вети социал-демократической партии, будет с трепетом дожидаться сводок из рабочих районов о славыных подвигах своих неустранимых молодых сорезниваемых дубинками в многокалорийных виндиперами. Рабочая молодежь видит одиозную пропаганду милитаризма. Тем не менее недооценивать влияние меньшевиков и значение их работы по оселению рабочих молодежи нельзя. В день

1 мая рабочая молодежь всего мира будет демонстрировать между прочим и под лозунгом беспощадной антиимпериалистской работы, под лозунгами борьбы с меньшевистскими агентами мирового империализма.

Социал-демократические капитаны работают по всем главнейшим армиям мировой реакции. Этим капитанам от шомпола, этих мар-

По мнению СИМ, капитализм—невинное дитя, которое исподко нехорошими дядями в школах

систов от дубинки вы найдете в Берлинском политехническом, и Сельгичской национальной гвардии, в международной Армии спасения, в американском национальном легионе, в шотландской гвардии британского короля. Их вы найдете и в прессе СИМ. Их вы найдете и на конференции по разоружению. День 1 мая—это день смотра пролетарских сил и удвоенной доблестности по направлению к вражескому лагерю. За капитализма из II интернационала будет сыграть в оба!

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

А Г И

Ночь. Березник гол.
А зрнх уадакс такая,
Будто выброшенной пшубола—
Скельзкая и тутая.
Волком поет бурга—
Нудно, хитро, упрамо.
Камши налево,
Направо—зурган,
Польва
Лтега ятрамо.
Идет человек.
На приходе веки—
Он знает: Это—чужая страна...
И шаг у этого человека
Выверен, как струна,
Он знает: Сильво ветер ковкий

Польше на нас—
Наипаритъ...
И ствол у его винтовки
Выпичен, как на парад.
Он знает: Чужая страна...
(Но чувства сокмук дружной
Двинут на помощь к нам—
Миллионы наших друзей!)
Он знает другой закон:
«Чужой земли не хотим,
Но и своей зато
...но пача не отдадим.
Он знает... на что за дьявол!—
Камши пошел худюном,
Камши, который
себя заставил
Мирно качаться дьям?..»

...Опять тишина.
(Только ветра вою).
Но оно не верит. И разом
Падает камшовой, и
Словно убитый, назем!
Влявно ложь в покат плеча,
Враг не уйдет—
Шанши!
Но за утайку—
Тебе отвечать,
Рыжий предатель—камши!
Лво шекотет (кажется пот),
Снег подтаял (под гурадо сыро),
А гулое сердце по ребрам бьет,
Словно горячая гиря!..
«Кралучи, тень в камышах по-
шла
(Лунь.
Синева. Звезды).
Но вот наткнулся и лопнул по
швам
Пудая разозренный воздух!
Тень пошатнулась, мотнув головой,
Пада в камши. И вот

Ползет, врыслушавшись, часовой,—
Прямо в камши ползет.
Ночь—посибик любому врагу
(На ночь нельзя надяться!)
Смьотрит: Лежит на багровом сне-
гу
Грузная туша белогавердеца,
Маузер—радом
(Не будь ротозей!),
В ранце— Булак, карта,
Да на простреленном картузе—
Круглая пашель кокарды...
«Что ж, удалой господин офицер,
Как говоритесь—
Кучин.
Блязю волавет СССР—
Блязю, да не укусишь!»
Шорох.
Зарь от спички до шекя...
Нибя отпаржана. И снова—
Литое спокойствие часовой
И копанье его шаги.

ВОСПОМИНАНИЕ

Лирическая поэма в снятом виде
Памяти моих друзей комсомольцев,
погибших в 1919 году под Минском

Решающая ночь
вступает в строй,
Товарищи,
слушай приказ боевой:
завтра с рассветом
в последний бой.

Осмотр — винтовкам.
Чистка — клинкам.
Сдаем — проверки.
Корму — косям.

Кто из вас болен?
Шаг вперед!
Спасибо, товарищи.
(Командир доволен —
не дрогнул стволком коммунный воя).

Когда
в городах
часы были двенадцать,
в степи эскадрон лег отоспаться.

Когда
в городах
часы были четыре,
усталый, уснул один глаз
командира.

Рысью сквозь степи,
ларьером по тропам,
железные цепи —
горячей атакой.

Когда угасли
звезды над степью,
красные части —
прошли через Днепр.

Когда угасли
последние звезды,
перевались красные
через Березу.

Двадцать пять бойцов —
стальным эскадроном,
а враг — козылом,
а враг — бронирован.

Двадцать пять сабель, —
рубят, свистят.
И рвутся бутылки
белых гранат.

Рвутся гранаты
над эскадроном,
в решительной схватке
врагом окруженным.

Товарищи,
с холма строчит пулемет.
Приказ командира:
заткнуть ему рот!
кто вылезает?
Кто поядет?

Сказал командир:
— Один или двое.
Сказал —
и махнул раненой рукою.

Наголо саблю,
за гранату рукой —
Единственная девушка
покинула строй.

Копь учуял
мгновенные смерти,
как муху залую
на горающем сердце.

На один лишь миг
покой наступил
и пот на крупах коней
остыл.

Сквозь вражьи кольца
прорвались с командиром
де двадцать пять,
а двадцать четыре!

Рысью сквозь степи,
карьером по тропам
железные цепи
горячей атакой.

Когда угасли
последние звезды,
перевались красные
через Березу.

Когда горизонт
загорался над степью...

Песни!
Много близких имен
ты в память врезала крепко!

Где же стою я,
глаза распахнул?
Почему я не смог
безразлично пройти?
На заводе «Ленсы»
в моторном цеху
Я вспоминал
о двадцати пяти.

Двадцать пять комсомолок
стоит у моторов.
Здесь прорвались мои песни
горячей атакой,
могучим напором.

Я снова увидел:
стальной эскадрон
в решительной битве
врагом охвачен.
Я девушку увидела
покидающей строй,
наголо саблю,
за гранату рукой,
и чуяется — слышу слова
командира:

Внимание, товарищи:
часы бьют четыре!
Слушай наказ
своего бригадира:
Последняя ночь
вступает в строй,
Завтра с рассветом —
в решительный бой.

Инструменту — чистка.
Осмотр — моторам.
Работать — чисто.
Работать — с напором.

Кто из вас болен?
Руку поднять!
Спасибо, ребята,
и вами доволен,
нам лучшей в Союзе бригадою
стать.

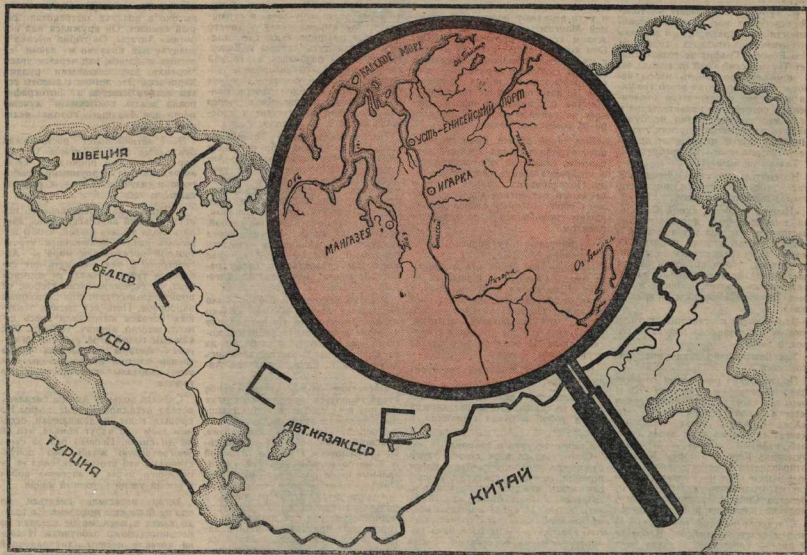
Когда
в городах
часы были двенадцать,
бригада бойцов легла отоспаться.

Когда
в городах
часы были четыре,
усталый, уснул один глаз
бригадира.

Пер. с еврейского Г. Г. Иноша.

СОЦИАЛИЗМ ВРЫВАЕТСЯ В ТУНДРУ

Богатый сибирский промышленник М. И. Сидоров подол молодому императору Александру III докладова записку: «О средствах вырвать север России из его бесправного подданства».

По просьбе императора его ассистентом генерал Зинков явился на докладной записке револлюционеро:

«Так как на севере постоянные льды и хлебоблагодатство невозможно и никакие другие промыслы немалыми, необходимо наред удавить с севера во внутренним станах господства, а вы хлопотне работ-от. Та-иже идеи могут порокать только помещельные».

Позв дивизионной собственной рудой императора «сла начертана подпись: «Александр III»».

СОВЕТСКАЯ МАНГАЗЕЯ

У полярного круга, на берегу Тазовой губы, среди воинственных племен XVII века деревянный город Мангазея, отрезанный от Руси бурями Мангазейского моря.

Не пишите его на карте: он прожиг только сто лет и умер, погравившись среди степной равнины. Его деревянные стены развалились, бугры разбросали доски и бревна, и не найти теперь того места, где когда-то кипела жизнь, шла торговля Сибири с Европой, где пресела огненным боем мангазейская смута. «Чрекаемным путем» идут сюда русские торговые люди. Этот путь начинается на Устье, откуда переходит на Вытечку и — выским

волоком на Уету в Ижму — приток Печоры. С Печоры се пришли притоками путь перебрасывается через «Камень» (Урал) в верховья Соби и Сосвы, впадающих в Обь, а оттуда — в Тазовую губу, на которой и стоит Мангазея.

Торговые люди приходят сюда обычно ранней осенью, а весной, собрав за зиму пачату охотников, поднимаются на плоскодонных суденышках вверх по реке Тазу, там волоком перебираются на Енисей и дальше на север в безлесную, негостеприимную Пислу (Таймы), на Ниланго и Подкаменную Тунгку, на Вылго и великую реку Лету.

А в это время им настрекать надо обзавестись в Мангазее проголодавшие партии охотников с добытой пушью.

Осенью шумной жизнью живет Мангазея. Быстро выселяются приезжими гостями заботяте на зиму дома, отпирывают кушетовские амбары и идет «ярманта», где приказчики скрупают «зингуку рухлядь» (мех), славная охотников «горячей водой».

До 50 больших «кочей» (морских судов) приходит в Мангазею из далекой Европы, до 75 тысяч дорогих собольих шкурок продает за осень Мангазея.

Но долго остается свободным мангазейский островок. Московский царь, просидев о «светото-

киплицем» деревянном городе в «студой тундре», посылает сюда своих воевод. Но на быстрой уральской реке, сжатой скалистыми берегами, разгорается бой, и «кровавая самодья» вырезает отряд московского царя: его торговые люди Мангазея послали самоводов защищать «вой войной город» от тяжелой царской рубли.

Но Москва упрямая. Второй московский воевода приходит в Мангазею и деревянной стеной с четырехугольными брусчатыми башнями отгораживается от посада, где раскинулись амбары торговых людей.

Он посылает своих стрельцов в самоедские зимовья, и стрельцы приводят «самантов» (ялджиников), воевода держит их в остроге, он кормит их падающей и юковой — собачьим кормом, и теперь исправно получает яек (дани); под страхом смерти амбантов самоды несут воеводе бесценные шкурки сибирского соболя.

Но воеводе этого мало. Он облагает налогом торговых людей «на содержание дворца на воеводскую пиварню, на рыбное довольствие и на сенную возку». Он воронки «берет на себя, а сказывает на господаря». И Мангазея восстает.

Когда в 1630 г. двое московских воевод спорят между собой при дележе налога, мангазейский мир встает на сторону менее жадного

из них, и начинается мангазейская смута с оружием и сабелями, с осадой воеводских башен и огненным боем.

Эта смута — начало конца Мангазея. Военное уже неспит трибу Мангазее иностранные купцы, приходящие сюда из Европы северным морским путем, и скоро из Москвы приходит «язык крикий»: «иенских людей на Енисей и в Мангазее отнюдь никто не пропускать и с ними не торговать и дорог им ни на какие места не указывать».

И Мангазея умирает.

На острове Войгач и на Ямале стоят московские заставы: они торгуются вала «иенские копей». Самоды уходят дальше в степные просторы Пислы. Торговые люди идут обратно на Русь. И мангазейский священник докладывает в Москве:

«... в успешном храме служу алтургии божию со страхом и великою пужей потому, что в алтаре все стило и потолок и мост колеблется, и земля сылется, и подпорки выпадают».

Мангазея ветшает, распадается по бревнышку и наконец совсем исчезает. И теперь уже нет возможности разыскать этот первый экспортный порт Сибири, возвышенный московскими воеводами. Они павали прочим янким на северный морской путь. И 200 лет свято

На ней строились, разная ее сетка громадная электрическая армия — десятки, тысячи, миллионы электрических рабочих. Это 500-миллионная электрическая армия Ангары идет работать в созданный ею город ангарских порохов.

Об этом городе, рожденном Ангарой, новая сказка будет много говорить — разве можно коротко переписать все заводы Ангарского комбината?

Прежде всего здесь вырос алюминевый завод. Каждый год он выбрасывает из своих печей сотни тысяч тонн алюминия — легкого, как сухое дерево, и прочного, как сталь, металла будущего.

Корпуса «Ангариалава» дают сотни тысяч тонн ферросплавов — дорогой примеси, которая нужна для производства высококачественной стали.

Заводы цветных металлов создадут из сырья Прибайкалья свинец и цинк, а доменные печи «Ангариалава» превращают черные железные руды в оседательно блестящий чугун.

Отдельная промышленная группа занята обработкой сибирского золота. Здесь соль и пуха превращаются в рулоны белой бумаги и в книги искусственного шелка, в ленты для кинематографа и редкие лекарства, а лиственница и кедр дают миллиарды плит прочной деревянной черепицы.

Черемховский угольный бассейн превратился в центр нефтяной промышленности потому, что уже сейчас ученые утверждают, что здесь на берегах Ангары, лежит не уголь, а «консервы нефти», — так легко превращается черемховский уголь в прекрасную нефть. И нефть уже налаживается ползает.

Сейчас на земном шаре в миллиардов тонн нефти, которая будет израсходована в 25 лет. А в Черемховском районе 160 миллиардов еще не тронутых «нефтяных консервов». И разве можно спорить против того, что не Америка, не Мексика и даже не советский Баку дадут бензин для будущих мировых армий самолетов, автомобилей и тракторов? Они получат свою нефть из громадных корпусов Ангарского комбината, где электрический ток превратит черемховский уголь в нефть, керосин и бензин.

Наконец тут же, рядом с комбинатом, выросли невиданные миру электросовхозы. В них электрические вилки сменяли древнюю соху. Быстро, легко, без вилки она глубоко бороздит поле. За ними идут другие машины. Они разбивают комья земли, они рассеивают по полю искусственные удобрения и сеют ровно, бережно, аккуратно.

Для электросовхоза Ангары нет дня и ночи. Для него круглые сутки день. Потому что диск — солнце, а ночью — сотни искусственных солнца, мощных электрических фар.

Для этих удивительных совхозов нет заморозков, поздней весны и рано подкрашенной осени. В поле под землей проложен электрический кабель — большого, он согревает поле.

Этот круглый день и эта печка под землей делают свое дело. Электросовхозы Ангары не знают никаких урожаев: лозным колосом гордится их пшеница.

И тогда исчезает граница между полем, работами и отдыхом.

Расклинают, что матушкины офицеры китайские солдаты, взяли в плен ОДБА, говорили красноречиво:

Мы рабочие-крестьяне.

Тов. ПОСПЫАЙЛО — лучшая бетонщица бригады т. Тяченко, награжденная знаменем райкома строителей

будет жить «Города великой Ангары». Все трудиться будут по-прежнему работать то на заводах, то в электрических полях.

И все это — десятки заводов, выпаривающих чугун, цветные металлы, бумагу, шелк, лекарства, нефть, и сотни тысяч гектаров

электросовхозов с их вечным днем, с их гремкой землей и утренними урожаем, — все это будет питаться покоренной силой ангарских порохов. Все это волею рабочего класса будет создано на пестороженней сибирской земле, на величайших силах великой Ангары, сотни лет то-

му назад улетавшей к любимому Вилху.

Книги жутким аэломатом кажется сегодня мудрая резолюция его превосходительства генерала Зиновьева — воспитателя наследника наследника Российской империи!

«19 марта ЦИК ЭСФСР армян, азербайджанского комсомола орудия трудового Красного знамени. Язык телеграфа скуч и слезлив. Мы знаем, что за эти дни лаконичный строки скрывают 10 лет героической борьбы армянского, грузинского, азербайджанского комсомола за политический и экономический рост закавказской федерации.

— Небывшая пятница выполнена в 2½ часа. У нефтяных вышек в Баку работает 45 тысяч комсомольцев. 30 комсомольских буровых вышек, 7 комсомольских нефтепромысловых заводов, сотни хозрасчетных бригад — вот послужный список нефтяного комсомола. На промыслах, в скважинах и колодцах на фронте ликвидации неравномерности закавказский комсомола всегда выступал на передовых позициях. Орден Красного знамени — Большая награда для молодых закавказских большевиков, борющихся под руководством партии за победу социализма среди народов, некогда имевших славу эксплуататорских колоний.

Общий вид

нефтепромыслов в Баку

• Мервские комсомолы (Средняя Азия) провозили целые перевороты в темной, отсталой баше своих отцов и матерей. Комсомольцы объявляли поход за бездельную культурную кибитку. В вуле Арти-Гузар есть уже три культурных кибитки. Ни в Шенали, Кунгур, Чот-Теш комсомолы добились образцово чистоты в шести кибитках.

• Кибитка скоро отойдет в вечность. На смену ей придет каменное, деревянное или железобетонное здание. Но пока этого нет мервские комсомолы, так же как комсомолы промышленных центров, хотят создать здоровый чистый быт, хотят сделать культурным свое жилище—кибитку.

На снимке — новое здание Дома советов в Маргелане (Таджикистан)

• Москва растет. На смену извилистым, сутлым переулкам, горбатым площадям, лабиринту тушинок идет большая Москва, город-завод, город-порт, город-сад. Москва строит метрополитен. Всего лишь через полтора года вагоны метро

будут бегать в тушевских первой магистрали Сокольники — Крымская площадь. А сейчас заложена первая штольня, и забойщики прощали первую сотню метров.

Сокольнический райком комсомола первым откликнулся на помощь строю. Сокольнический комсомолец берет под свой контроль доставку грузов в адрес Метростроя и целиком отвечает за культурно-бытовое обслуживание строителей. Всад в Сокольники начал помогать строю Дзержинский райком. Чем дальше становится путь проритого туннеля, тем глубже растет забота московского комсомола о постройке метро—этого важного оружия реконструкции городского хозяйства.

• Мы обладаем неисчислимыми лесными богатствами. Посмотрите на карту. Зеленые массивы на тысячу километров тянутся в Сибирь, Урале, Мурманском крае, Карелии. Там растут и высококоричневые древесные породы, из которых можно выделывать ценные строительные материалы, прекрасную мебель и т. д. Необходимо только рационально эксплуатировать лесные богатства, механизировать и электрифицировать лесозаготовки, лесотранспорт и деревообработку.

Сейчас по инициативе комсомола и руками комсомола в лесах Севера строится электрифицированная лесной комбинат. На опыте этого ударного комсомольского строительства лесная промышленность должна научиться электрифициро-

• Далекий Мурманск в Харькове разделенный сотней километров. Но комсомольская солидарность не делит пространств лес Кобарды ХЭМЗ изготавливает сверхплазматический генератор для строительства электромобильности.

• Насимке — лесозапорная база Северного края. Автовозм за перевозкой леса.

• Дель их тоже ловили рыбу. Они сидели у моря и покорию ждали, пока косыя рыба подойдет на отмель. Косыи рыба, поймаем само видеть простым глазом. А вилки — комсомольцы рыболовецкого колхоза имени Молотова в Крыму — сказали: «Не будем ждать рыбы, пойдем сами искать ее». Экстренное собрание комсомола решило послать бригаду в знаменитый рыболовецкий колхоз имени Молотова. Сопровождаемые косыми недоверчивыми взглядами стариков

колхозников, комсомольцы ушли в море. Через две недели колхоз пополнил от них рыбиски. Комсомольцы писали с радостью о том, что им повезло, что у них богатый улов. Лед недоверия был сломен. Колхоз послал в Сукум вторую бригаду.

Молодые рыбаков показали, что рыбу можно ловить зимой. И не только в своем море, но и в чуждом. Вдоль украинского берега Азовского моря.

• «Комсомольская правда» и ОПТЭ объявила всевозможные научно-исследовательский поход в сырьем для стивков второй пятилетки. Летом 200 тыс. молодых туристов-комсомольцев вскинут на плечи рюкзаки и пойдут в горы, леса, степи. Они обнищают всю страну, они искроют хранилища и вытаскивают сокровища, чтобы поставить их на службу социализму.

На сесте московских туристов комсомольцев, изучающих работников приморского лучших участников исследовательского похода 1931 в Орскет пригнали туша. На встрапу вышли фашизм завода «Авноморрибор». Их премиявали за то, что они применили новый и ценный метод исследовательской работы — организовали туристский лагерь в Московской области. Там туристы нашли богатые запасы туфа и гранита.

В этом году 60 авиопробирочников фибрайские их авиасте встретили на северо-востоке от Тельного озера (Алтай). Они будут искать сырьевую базу нужд Ойратской области.

• Комсомол должен знать лучшие образцы музыкального классического наследия, должен критически осмыслить классовую борьбу на музыкальном фронте. Комсомольский завод «Красный богатырь» (Москва) назвали смотр пролетарских музыкантов. Состоится уже первый вечер, посвященный творчеству пролетарских композиторов Давиденко и Копая.

• Мы считаем необходимым, — пишет «Космокомбинат», — организовать общесоюзный комсомольский смотр творчества пролетарских композиторов. Борьба за победу в СССР вступает уже в третий вечер, посвященный творчеству пролетарских композиторов. Впереди нас ждет создание новых песен о многомиллионном комсомоле.

• Знаете ли вы что-нибудь о Тагилькомбинате? Это—строительное здание, второго по величине в СССР металлургического завода. Космокомбинат и рудники. На строительство assigned миллиард рублей. Тагильский комсомол призывает своих лучших бойцов брать на себя большую долю ответственности за ударное строительство комбината. По примеру героических магнитогорцев, одного из крупнейших комсомольских кадров будут построены здания комсомола.

• Новую, интересную и увлекательную форму изучения истории конференции комсомольцы завода «Серп и молот» (Москва). Они поставили себе задачей изучить XI партсезда и проследить политико-экономический рост страны от сезда до наших дней. Материалы сезда проработавшие все политкружки, все группы ФЭУ и РПШ. Заводская газета «Мартеновец» надела для себя более деятельности — она помещала регулярно теоретические материалы по сезду. Тезисы образом XI партсезда широко получили среди молодежи, но в среди взрослых рабочих.

Общезаводская теоретическая конференция длилась три дня, подвела итоги проработки. Выяснилось, что комсомольцы прекрасно усвоили материалы сезда. Впервые перед тысячной аудиторией выступил комсомолец Морозов из сталепрокатного цеха, который сделал солидарнейший доклад о международном и внутреннем положении во время XI сезда и в наши дни.

• Опыт завода «Серп и молот» уже перенимает Харьковский паровозостроительный завод.

На снимке — приуроченная к открытию общезаводской теоретической конференции выставка достижений «Серп и молот» за 10 лет.

• По инициативе комсомола в Ленинском районе Москвы открыт магазин-вуз. Дел вуз! Магазины вуза — это новая форма производственного обучения в системе потребительской кооперации. 300 комсомольцев, окончивших этот вуз, получают знания инженерно-технической советской торговли. 300 комсомольцев крепят форпост изучения техники советской торговли. Нет никаких сомнений, что вслед за Московским магазином-вузом будут организованы и в других крупных промышленных центрах.

• Донбасс механизмуется, арбузная машина приходит на помощь обучку, оидиштаршимуею собой рыбиски, переупиши тем, что усало быши. Машинет врубной машины комсомолец Василий Пилипенко, работающий на машине «Энгелс» в шахте № 29 им. Сталина (Сталинский район Донбасса) премияван за лучшие показатели производительности труда врубной машины. Пилипенко добился того, что машина, переупиши работавшая в третьей восточной дель, делала в сутки почти полтора шифра, проруб в среднем за сутки 130 метра.

Изменить стиль? Безыменского невозможно за долгие отсутствия! Оно. Тога. дия. в. ноня" в этом отношении—лишь война или небольшие воюа на Пушкина, Милоского, Сельвинского и Асеева".

Из дневника Сельвинского — «Литературная газета» № 16 от 1932 г.

Шарж В. Мадардзэ

И. СЕЛВИНСКИЙ: «Эх, тяжело нам, классикам! Каждый норовит подпалить под твою шляпку»

ПРОТЕСТ

Когда кричали мне, что я почти Зямытин,
Протгульщик, ласкивилант, отродье Пильняка, —
Критический наскок был резок, но понятен:
Чумандина руна изящна и крепка.

Пусть критики кричат, что я ограбил Креста,
Что обокрал я разгул и мотовство,
Пусть даже говорят, что я вчера зарезал
Отца, сестер и мать — и это ничего.

Но если есть наскок чудовищного мнения,
Что я Сельвинскому обязан хочь строкой, —
Пора протестовать.

Такого преступленья
(Никни бы ни был я) не числятся за мной.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

«Страх» от МХАТ — для меня новая жизнь,
А. Афиногенов
(Вальс в альбоме Тевалуба)

Его мечтания рухнут прахом.
Пройдет недолгий пора,
И он увидит с диким страхом,
Что жизнь его — весьма стара,
А «новый» МХАТ — таяная плаха,
Что люди будут жалко «Страх»,
Нам автору — его пара.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

САВВА ГОЛОВАНОВСЬКИЙ — украинский комсомольский поэт. Родился в 1903 г. В 1923 г. вступил в комсомол. Начал печататься в Зиновьевке, все более и более вырастая в своем творчестве.

Выпустил несколько книг стихов: «Рапелотур», «Василь Набда», «Так называется пасия», «Fronla ulos» и книгу очерков «Салог Европы» — впечатления о поездке по Италии.

Сейчас работает над новой о Днепрострое, показывая борьбу комсомола за освобождение СССР от экономической зависимости. Работает над этой повестью, т. Головановский включил содговор с лучшей бригадой батонщик Нени Романью.

САВВА ГОЛОВАНОВСЬКИЙ

ВЕЗУВИЙ

Голова у Помпеи
грузна
и низка,
голова у Везувия —
вроде вышки...
Лежит Помпеи,
три вершка
до горшка,
а ему
от горшка —
тысяча с лишном.
И стоишь, оскорбленный
такой незагодой,
читаешь написанное
древним пером,
что горшок Везувия
а былые годы,
рассердившись,
опрокинулся
вверхку дном.

Но не в этом беда
и не в этом
вина:
Везувий сердился
давно мастак,
ведь если людей
трясло
и губило,
То вперед трести
их будет не так!
И веришь
в действительность
давних истин:

на аренах
искры неслись от мечей
и виднелся среди
фиговой листик
У простых плебея
и народных вождей.
И, где-то оставив
сенью и пламя,
в дугатах,
где камень
с тоски
гнет, —

Спартак-гладнатор
восстал над всеми,
поднявши стальное
плебеев
копье.

Столетья
людей обтекали
мало,
столетья
не знали,
куда их вест, —
и вот уж
некоторым
шел сломало,
а некоторым
даже
скрутило хвосты.

Теперь Муссоллини —
и туз
и диктатор,
попрал традиции
фаун
и флор,
я тянет его
на заброшенный кратер
рабами пострепный
фундулер.

С вулдана
прельщает его
картина:
внизу возникает
фонтан в дожде,
и даже дворцы
на Сан-Мартинно
к ногам его стелют
гудрон площадей.
И только блещут
над всем,
выпуклые
в землю
труб
ножи —
лишь он в высоте
с королем и богом
рукой достает
до края чужих!
Лишь он
ошупывает
свою эпоху,
покушая
ее —
ценой дорогой...
...Стоит Везувий,
дымит сквозь валдох,
и ртом факюра
глотает
огонь.
Но только бы
вразум
сломать железа, —

у него
найдется
огня и сил:
ведь если
не выдержал
Юзий Цезарь,
то что Муссоллини
идея Король Эммануэль?
У него слона
найдется
в обиде
и кровь
у него
забурлит, свежа,
чтоб миглом
сепсор Муссоллини
увидел
единственный
в мире
большой пожар!

Чтоб сразу
умок этот край беззубый
с бульдогом,
которому
в жизни везло,
чтоб дымил
в высоте
молоден
Везувий
и пылала Помпея —
всем на зло!
Помпея — Немать
28 августа 1930 г.

Перевел
с укр.

И. Постулятьский

Игры технического творчества

№ 9. ГЕРМЕТИЧЕСКАЯ ЗАДЕЛКА КАБЕЛЯ

Передняя электроэнергия на расстоянии связана с целым рядом производственных операций.

Возьмем к примеру заделку оголенных концов кабеля.

Строительство ИВРЭС оголенных концов кабеля осуществляется от железной брони по длине около 100 мм, до которой сватыают дуги. Затем изготавливают специальные ганциные колпачки, которые запаивают там, как показано на нашем чертеже. Эта работа требует большой квалификации мастеров и занимает много времени.

Рабочий-изобретатель Т. Соловья решил упростить эту работу, применив зажим расплавления.

ним сплюсн и обесцвечив герметическую навку кабеля.

Подавайте, как упростила эту работу Т. Соловьев и что вы сами можете предложить для заделки оголенных концов кабеля.

№ 10. ЗАЩИТКА ИМЦОВ ПРОВОДНИКА

Почти при всех электрификационных работах приходится производить зачистку проводников от изоляции. Даже на заводах эта зачистка производилась обыкновенным ножом. В результате она является нередко неудовлетворитель-

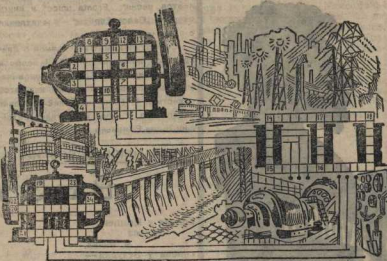
ной. Кроме того часто случаются обрывки самого проводника.

Рабочий-изобретатель Т. Горюхиным предложил при зачистке проводника применять приспособление, которое быстро, чисто снимает изоляцию, не порти проводника. Кроме того эта работа по зачистке проводника проходит скорее.

Приведем техническое творчество, пригодные конструкции этих приспособлений. Все оригинальные проекты будут переданы для рассмотрения электротехническому.

Коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны

ТЕМАТИЧЕСКИЙ КРОССВОРД КОЛОСОВСКОГО (г. Сумы)

Проверьте ваши знания в области электричества, запоиная клетки кроссворда словами, имеющими следующие значения:

СЛОВА ПО ГОРИЗОНТАЛЯМ

1. Машина, вырабатывающая электроэнергию.
2. Бродячая часть электромотора.
3. Электрическая единица измерения.
4. Главная часть динамомшины постоянного тока.
5. Электрическое явление.
6. Главное условие успешного завершения плана электрификации СССР.
7. Единица мощности.
8. Преобразователь электрического тока.
9. Главная часть передаточной и приемной радиостанции.
10. Несложная машин, соединенных между собой.
11. Двигатель.
12. Промышленность.
13. Материал, producaющий электрический ток.

СЛОВА ПО ВЕРТИКАЛЯМ

7. Переносные контакты.
8. Машина, создающая движение в воздухе.
9. Единица измерения длины.
10. Чувствительный электромагнит.
11. Обозначение в формулах электрического удельного сопротивления.
12. Необходимое условие для параллельной работы нескольких машин переменного тока.
13. Прибор для выключения аккумуляторной батареи.
14. Машина, преобразующая энергию падающей воды в механическую.
15. Токопроводящая часть электрических машин.
16. Электрическое сопротивление.
17. Деталь телефонной трубки.
18. Сокращенное название настольной аппаратуры.
19. Индуктивное сопротивление.
20. Элементарная часть электричества.

Технорина

СЕРИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ

(Составил Л. Шохор — Москва)

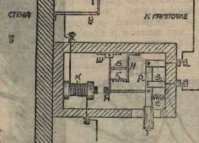
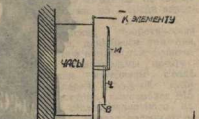
1. Откуда и как образовалось слово «электричество»?
2. Как образовалось слово «магнит»?
3. Есть ли такое место на земном шаре, находясь в котором можно узнать, бы на северный полюс не северным конком стрелки, а южным?
4. Откуда произошел название единицы: вольт, кулон, ампер и ом?
5. Чем был по профессии Гальвани, впервые открывший способ получения электрического тока при помощи химических действий?
6. Какое отношение имел Колумб к открытию законов земного магнетизма?
7. От какого ученого ведет свое начало современное учение об электричестве?
8. Кто открыл вольтову дугу?
9. Какой способ получения азотной кислоты широко практиковали в Германии во время войны, когда бискара являлась германской монополией?
10. Вы находитесь под трамвайным проводом. Каким образом можно определить, в какой направлении движется ток, не касаясь провода?
11. Кто и каким опытом доказал, что молния является электрическим разрядом?
12. При каких обстоятельствах и кем была открыта лейденская банка?
13. Может ли быть опасным для жизни разряд лейденской банки или группы (батарей) банок?
14. Какой профессор русской академии, прозванный в 1753 г. опыты с атмосферным электричеством, был убит во время этих опытов? Об этом ученом его современник Ломоносов сказал: «Планета его никогда не умолкает».
15. Каким образом легко можно определить расстояние удара молнии?

Игры технического творчества

№ 11. АВТОМАТИЧЕСКИЙ ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ

Движения и управляют часто выключателем, который часто выключается, уводит лампу, в различные моменты времени по показаниям. Моему изобретателю.

Эту работу можно легко упростить, если применить автоматический выключатель, приваленного к одной обмотке трансформатора. Там же выключатель, приваленного к одной обмотке трансформатора. Там же выключатель, приваленного к одной обмотке трансформатора. Там же выключатель, приваленного к одной обмотке трансформатора.

магнит В, один конец которого идет наружу и соединяется с проводником увеличенного Э. Углубление F на конце имеет форму металлической иглы. В. Дуги, что видно, чтобы быть ближе к В. Тогда углубление и выключатель устанавливаются против цифр 0 на циферблате часов так, чтобы часовая стрелка ровно в 6 часов делала половину оборота. Молния В. Второй конец обмотки катушки электромагнита идет к гальваническому элементу, который служит источником тока. Провод магнита устанавливается дуга И в виде водосточной. Если магнитно замкнется в разле III и может начаться искр и вперед. В определенном положении искр замыкается в дуге В и протухает в яму пружины Г. Угол В и пружина Г выключаются на углубление И. Молния это искра и соединяется с дугой В, образуя дугу. От искры дуга замыкается на дугу В и лампочка (без лампы) которая надо включать. Если искра замыкается в дугу В, то искра замыкается в дугу В и лампочка (без лампы) которая надо включать.

Как же работает этот автоматический выключатель? Ровно в 6 часов часовая стрелка соединяется с выключателем И, цепь замыкается, выключатель работает, пружина В выключается, искра замыкается на дугу В и лампочка (без лампы) которая надо включать.

№ 12. ДВА ДЕТЕКТОРА

Определен, какой из изображенных детекторов будет работать лучше.

ШАХМАТЫ — В РАБОЧИЙ БЫТ

(О книге М. Н. Волковского «Работа производственных предприятий СССР — библиотечная работа в туризме», 1932 г. 64 стр., цена 60 коп.).

«Связь со всей решительностью устанавливает на необходимость еще большего углубления работы как в области участия организованных шахматистов, так и в области широких масс трудящихся» (из введения).

(Из резолюции VII всеп. шп/м съезда по докладу Н. В. Крыленко).

Перестройка шп работы применительно к занятиям шахматами в том виде, в каком они еще высшею очередь где-где отставания от этой задачи — вот основная задача советского шп движения. Она может быть выполнена лишь при условии проникновения шахмат и шапек в среду масс трудящихся.

Только тогда шп движение сможет называться массовым и отвечающим задачам дня, когда шахматы и шапки войдут органически в систему фабрично-заводской культурно-комсомольской работы; когда шахматисты и шапканы станут активными борцами за пятничку, за социализм. Это уже есть:

«Успешно преодолевая сопротивление классов чуждых элементов, шп движение побороло буржуазные тенденции анимизма в шп работе и прочно стало на путь последней работы и участия в социалистическом строительстве» — отметил недавно производственный VII всесоюзный шахматно-шапечный съезд.

Но темпы движения по этому пути недостаточны. Одной из причин этого является то, что шп движение не смогло своевременно перестроиться и поэтому не возглавила перестройку шп движения.

«Оперативность — вот сейчас основное для всей нашей печати» («Правда»). А шп печать этого главного не имеет. И шахматные отделы, и шахматные газеты и журналы и все шп движению по-прежнему отстали от сегодняшних задач.

И лишь сравнительно недавно началось переосмысление Шахматов СССР и «Рабочий и шахматист» (Ленинград) сумели (хотя и не

достаточно) поднять свое содержание и методы работы сегодняшним задачам.

Даже, что самое оградное, в области не периодической печати почувствовалось великое «столпничество» дня. Вышла книжка одного из руководителей ленинградской шп организации: «Работа производственной шахматки».

Дивно не вышло такое из полных и нужных книг, как эта.

Автор конкретно рассказывает, как нужно перестроить шп работу на предприятии. В книжке показаны основные формы и методы работы, дается подробный и поучительный инструктаж о проведении различных соревнований. Особенно хорошо то, что книжка не перегружена специальными терминами, написана достаточно популярно. Это дает возможность использовать ее не только шахматному активу, но и рядовым работникам высшего культурного.

Книжка Волковского дает разветвленную программу действий для производственного шп коллектива. До сих пор подобной литературы не было.

Есть в этой книжке конечно и недостатки. Основной из них — недостаточное использование материалов VII шп/м съезда. Это обижает нас поведением автора, что книжка была в основном написана до съезда.

Нет конкретных примеров, подтверждающих целесообразность то-

го или иного мероприятия. Неужели их нет? Есть, и их нужно было привести.

Упомянутому автором основной роли печати — организационно является на VI, VI, где сообщается, что «вноситься у нас специально журналы «Шахматы» и СССР и «Шахматы в рабочем клубе» — выходят по два раза в месяц, обслуживают весь Союз и уже по одному тому не хватит возможности организовать вокруг себя массовое шахкорокское движение». Не в этом деле. Каждый полагно производственной журналист должен в том или ином виде есть не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор («Три»). А наша шп печать эту организационную роль не усвоила. Нужно быть ее за это и не заниматься «объективностью», дезориентирующей низовую работницу.

Учтя указанные недостатки, каждый шахматист и шапканист должен использовать книжку Волковского для реорганизации шп работы на своем предприятии.

ЧИТАТЕЛИ «СМЕНЫ» — МАСТЕР РОМИОН

По всему Советскому союзу разбросаны читатели шахматного отдела «Смены». С Лазного Востока, с Украины, из Ленинграда и Донбасса тянутся к «Смене» ити шахкоровской связи.

Около шахматного отдела «Смены» эта работа, выросло сильнейшее шп движение, держащее регулярную связь с отделом. 800 человек пролило через массовые шахматные соревнования «Смены».

Это — большая сила. Если ее объединить, то она сможет сделать очень многое. К этой связи — объединению и воссоединению шахкоровской массы — направлены все последние мероприятия «Смены» (турниры на переписке, различные соревнования и т. д.).

Мастер Ромион — один из сильнейших шахматистов СССР, сильнейший шахматист Москвы. В последнем турнире на переписку Советского союза он занял второе место. Ромион — активист, обще-

«Наше первое свидание с журналом «Шахматы» — Шахматы и шапки в массы».

ственный, работающий на ответственных участках советского шахматного движения. Он возглавляет комиссию шахкорок ВСФК по кадрам, руководит такой образом воспитанием советских шахматных кадров.

Игра между читателями «Смены» и Ромионом начинается с выходом настоящего номера. Братья играют читателя «Смены». Каждый читатель должен не только читать «Смену», но и отсылать на адрес редактора «Смены» (Москва, Б. Черкасский пер., д. 6) ход, который он предлагает сделать белым. Ход, принятый большинством читателей, будет передан Ромиону. В двухдневный срок Ромион даст свой ответный ход, который будет сообщен всем читателям «Смены», желающим участвовать в этой партии. По получении хода каждый участник игры в трехдневный срок дает ответ. На ход, предложенный большинством читателей, Ромион отвечает, и т. д.

Ход партии будет регулярно сообщаться в «Смену», каждому ходу будут сопутствовать фамилии читателей, предложивших его.

Когда определится дебют, то активными участниками будет разослана краткая характеристика этого дебюта, всякой сч. лучших продолжений и т. д., составленная кем-либо из советских мастеров.

В случае, если в этой игре примет регулярное участие какой-либо коллектив (не менее 15 человек), то редакция «Смены» будет снабжать его литературу по основным моментам партии. Итак, начинаем.

Черные: мастер И. Ромион

Белые: читатель «Смены»
Ваш ход, товарищи читатели!

«НОТЫ ПОЧТОЙ» Центральный нотный магазин МОГИЗ

ДЕШЕВЬЕ НОТНЫЕ БИБЛИОТЕКИ МУЗАНТИВА

по нотной или шпороной системе:	
Для МАЛДЛАВИК 16 шпорок	62 ш.
Для МАЛДЛАВИК 16 шпорок и 1-го шпорок	78 ш.
Для МАЛДЛОДИНИ 16 шпорок	74 ш.
Для ГИТАРЫ 1-го шпорок	80 ш.
Для МАЛДЛАВИК 16 шпорок и 1-го шпорок	80 ш.
Для МАЛДЛОДИНИ и 1-го шпорок	80 ш.
Для МАЛДЛОДИНИ, МАЛДЛАВИК и 1-го шпорок	80 ш.
Для ГАРМОНИИ № 1 2-х шпорок, 12 басов, 18 шпорок	82 ш.
Для ГАРМОНИИ № 2 (того же строения) 12 басов, 18 шпорок	78 ш.

Для ОДНОГО ГОЛОСА (лишь) с сопровождением 7-стр. ГИТАРЫ 13 шпорок	90 ш.
Для ОДНОГО ГОЛОСА (лишь) с сопровождением МАЛДЛОДИНИ и 7-стр. ГИТАРЫ 7 шпорок	84 ш.
ТОЛЬКО ПО НОТНОЙ СИСТЕМЕ:	
Предельно-массовые песни (лишь нотный текст) по 1 и 2 шпорок	12 ш.
Революционно-массовые песни. Для 1 шпорок, хора с сопрано, ф-но	86 ш.
Революционно-массовые песни. Для 1 шпорок, хора с сопрано, ф-но	48 ш.
Народно-воинские песни. Для 1 шпорок, хора с сопрано, ф-но 17 шпорок	82 ш.

Песни солдат и моряков. Для 1, 2 шпорок с сопрано, ф-но 10 шпорок	64 ш.
Для ОДНОГО ГОЛОСА (лишь) с сопровождением. Воинские.	
№ 1, 13 шпорок	80 ш.
№ 2, 13 шпорок	88 ш.
Для ФОРТЕНАНО в 2 руки	78 ш.
№ 1, 16 шпорок	88 ш.
№ 2, 16 шпорок	88 ш.
№ 4, 22 шпорок	88 ш.
Для ПАЛЛАНО 20 шпорок	88 ш.
Для САНТИНО (для одной и с сопровождением) 9-го шпорок	1 р.

Цена всех вышеупомянутых 24 дешовых нотных библиотек 19 руб.

ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГ. ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯЙТЕ: МОСКВА, ЦЕНТР, НЕГЛИННАЯ, 14/с. «НОТЫ—ПОЧТОЙ» МОГИЗ.

Мая

1М